

Отделение историко-филологических наук РАН
Грамматическая комиссия РАН
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

«СЛОВО И ЖЕСТ»

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная памяти Е.А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)
Москва, 8 февраля 2024 года

Материалы конференции

УДК 316.77:81.27(082)

ББК 88.53:81.001я43

С-483

С-483 «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2024 г. Материалы конференции. / Отв. ред. С. О. Савчук. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024. – 64 с.

ISBN 978-5-00202-494-0

Сборник содержит материалы научной конференции «Слово и жест», посвященной памяти Е. А. Гришиной (1958-2016). В центре внимания конференции – обсуждение вопросов мультимодальной коммуникации и жестикulatoryционной лингвистики, а также смежных проблем.

ISBN 978-5-00202-494-0

© Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН, 2024
© Коллектив авторов, 2024

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

- 11:00 – Открытие конференции. Вступительное слово:
11:10 *Владимир Александрович Плунгян*
- 11:10 – *Екатерина Андреевна Красавина, Ольга Викторовна Федорова* (МГУ им. М. В. Ломоносова)
11:35 Особенности транскрибирования речи людей с заиканием
- 11:35 – *Николай Алексеевич Кортаев, Дарья Андреевна Панышева, Елизавета Андреевна Неверова, Вера Исааковна Подлесская* (РГГУ, Институт языкознания РАН)
12:00 Корпус «Что я видел» как инструмент анализа панического дискурса
- 12:00 – *Юлия Владимировна Николаева* (МГУ им. М. В. Ломоносова)
12:25 Адаптация аннотационной схемы для описания жестикуляции при афазии
- 12:25 – *Мария Ивановна Киосе, Анна Васильевна Леонтьева, Ольга Владимировна Агафонова, Андрей Андреевич Петров* (Институт языкознания РАН, МГЛУ)
12:50 Полимодальная коммуникация при коллаборативном решении метаязыковой задачи
- 12:50 – *Александра Алексеевна Евдокимова* (Институт языкознания РАН)
13:15 К проблеме названий жестов головы и некоторые итоги аннотирования эталонного подкорпуса Rurex
- 13:15 – *Светлана Владимировна Кондакова,*
13:40 *Светлана Игоревна Переверзева* (РГГУ)
Жест «поцелуй в глаза» и его языковые номинации
- 13:40 – Перерыв
14:30

- 14:30 – *Артёмий Александрович Котов, Анна Александровна*
14:55 *Зинина, Никита Алексеевич Аринкин* (НИЦ
«Курчатовский институт», МГЛУ, РГГУ)
Ориентированные коммуникативные действия: от
корпусного исследования к моделированию на
роботе-компаньоне
- 14:55 – *Вера Исааковна Подлесская* (Институт языкознания
15:20 РАН)
Авторская ремарка слева, справа и внутри прямой
цитаты – по свидетельству МУРКО
- 15:20 – *Татьяна Евгеньевна Янко* (Институт языкознания
15:45 РАН)
Об одной из просодий переспроса
- 15:45 – *Полина Андреевна Бычкова, Серафима Максимовна*
16:10 *Гюласарян, Алексей Аркадьевич Яскевич, Екатерина*
Владимировна Рахилина (ВШЭ, ИРЯ РАН)
Конструктикон, прагматикон... – рутиникон!
- 16:10 – *Лариса Леонидовна Шестакова, Анна Сергеевна*
16:35 *Кулева* (ИРЯ РАН)
Рука и жест в текстах поэтов Серебряного века
- 16:35 – *Светлана Олеговна Савчук* (ИРЯ РАН)
17:00 Устная речь в составе НКРЯ: из истории разработки
устного корпуса
- 17:00 – Подведение итогов конференции
17:10

Отделение историко-филологических наук РАН
Грамматическая комиссия РАН
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

«СЛОВО И ЖЕСТ»

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная памяти Е.А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)

Тезисы докладов

Содержание

<i>П. А. Бычкова, С. М. Гюласарян, А. А. Яскевич, Е. В. Рахилина.</i> Разговорные формулы: помнящие родство	7
<i>А. А. Евдокимова.</i> К проблеме названий жестов головы. Некоторые итоги аннотирования эталонного подкорпуса RUPEX (22, 4, 23 запись).....	9
<i>А. А. Зинина, А. А. Котов, Н. А. Аринкин.</i> Ориентированные коммуникативные действия: от корпусного исследования к моделированию на работе-компаньоне.....	16
<i>М. И. Киосе, А. В. Леонтьева, О. В. Агафонова, А. А. Петров.</i> Полимодальная коммуникация при коллаборативном решении метаязыковой задачи.....	21
<i>С. В. Кондакова, С. И. Переверзева.</i> Жест «поцелуй в глаза» и его языковые номинации.....	30
<i>Н. А. Коротаев, Д. А. Панышева, Е. А. Неверова, В. И. Подлесская.</i> Корпус «Что я видел» как инструмент анализа панического дискурса.....	32
<i>Е. А. Красавина, О. В. Федорова.</i> Особенности транскрибирования речи людей с заиканием.....	38
<i>Ю. В. Николаева.</i> Адаптация аннотационной схемы для описания жестикуляции при афазии	43
<i>В. И. Подлесская.</i> Авторская ремарка слева, справа и внутри прямой цитаты – по свидетельству МУРКО.....	48
<i>С. О. Савчук.</i> Устная речь в составе НКРЯ: из истории разработки устного корпуса.....	51
<i>Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева.</i> Рука и жест в текстах поэтов Серебряного века	55
<i>Т. Е. Янко.</i> Об одной из просодий переспроса	60

РАЗГОВОРНЫЕ ФОРМУЛЫ: ПОМНЯЩИЕ РОДСТВО

¹П. А. Бычкова, ²С. М. Гюласарян, ²А. А. Яскевич, ^{2,3}Е. В. Рахилина

¹Люблянский университет (Любляна, Словения)

²Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,

³Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

*polyatomson@gmail.com, gyserafima@gmail.com,
alyaxe.yaskevich@gmail.com, rakhilina@gmail.com*

В докладе рассказывается о создании нового онлайн ресурса для русской лексики на основе данных НКРЯ. Этот ресурс входит в линейку корпусных баз данных по неоднословным формульным единицам, уже представленных в специально созданных поисковых системах, таких как Русский конструктикон (constructicon.ruscorpora.ru; см. подробнее [Janda et al. 2023]) или Прагматикон (pragmaticon.ruscorpora.ru; см. подробнее [Бычкова 2020], [Яскевич et al. 2022]). В отличие от прежних, Рутиникон описывает такие привычные («рутинные») формулы, которые связаны с внеязыковыми ситуациями; в литературе их называют либо по форме, *рутинами* [Coulmas 1981, Aijmer 1997] – либо по функции, *ситуативными клише* [Баранов, Добровольский 2013]. Обычно этот класс иллюстрируют двумя-тремя формулами, входящими в сферу вежливости или близкими к ней, как *Будьте здоровы!* или *Спокойной ночи!* На самом деле рутины гораздо разнообразнее и связаны со значительно более широкими областями узуса. Однако работа с ними осложняется не только множественностью таких формул, их разнообразием и трудностью их автоматического извлечения из текстов. Необычность базы Рутиникон в том, что в отличие от прежних ресурсов, параметры разметки, которые необходимы для нее, предполагают классификацию самих внеязыковых ситуаций.

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии. Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2013.

Бычкова П. А. Свойства дискурсивных формул на примере русских конструкций *ты что* и *что ты* // Русский язык в научном освещении. 2020. № 2 (40). С. 88–111.

Яскевич А. А., Бычкова П. А., Слепак Е. А., Рахилина Е. В. База дискурсивных формул русского языка «Прагматикон». Труды ИРЯ РАН. 2022. № 2 (32). С. 45–62.

Aijmer, K. *Conversational Routines in English. Convention and Creativity.* Routledge. 1997.

Coulmas, F. (Ed.). *Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech.* De Gruyter Mouton. 1981.

Janda, Laura A., Anna Endresen, Valentina Zhukova, Daria Mordashova & Ekaterina Rakhilina. 2023. From data to theory: An emergent semantic classification based on the large-scale Russian constructicon. *Constructions and Frames*, 2023, no. 15 (1), pp. 1–58.

Russian construction [Электронный ресурс]. URL: <https://constructicon.ruscorpora.ru>

Pragmaticon. Русские дискурсивные формулы [Электронный ресурс]. URL: <https://pragmaticon.ruscorpora.ru>

К ПРОБЛЕМЕ НАЗВАНИЙ ЖЕСТОВ ГОЛОВЫ. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АННОТИРОВАНИЯ ЭТАЛОННОГО ПОДКОРПУСА RUPEX (22, 4, 23 ЗАПИСЬ).

А. А. Евдокимова

*Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
arochka@gmail.com*

Согласно принципам цефалической аннотации, описанных нами [Sukhova, Evdokimova 2024] при первичном аннотировании эталонного подкорпуса RUPEX¹, весь массив движений головы разбивается на несколько слоев. В первом из них (Movements A) и в зависимом от него слое тегируются все движения, выполняемые, собственно, головой, во втором (Movement B) — все движения головы, спровоцированные другими кинетическими каналами, а в третьем (Displacement) — перемещения, когда голова не двигается, но ее расположение в пространстве меняется из-за движения корпуса. Далее все размеченные движения помимо тэгов направления получают сопутствующие тэги, характеризующие контекст, в котором происходят эти движения и их качества, не относящиеся к направлению, например, амплитуда. Весь этот массив данных позволяет аннотатору собрать движения в жесты, определить их функциональные характеристики или же отнести к другим возможным категориям (позы и их смены, эхо, адапторы и т. п.).

Среди собственно названий жестов головы в русском языке выделяются кивки (nods, jerks), повороты (turns), наклоны (tilts), мотания (shakes), вращения (rotations). Остальные изученные жесты не имеют собственного названия и описываются по двум факторам: их функциональному типу и виду движения — через направление (down, up) или другие характеристики (slide, turn). В таких случаях и Е. А. Гришина [Гришина 2017: 10], и другие исследователи, в том числе зарубежные [Calbris 1983, Kendon 1972, McClave 2005 etc], предпочитают сочетать оба фактора и описывать их по виду, указывая

¹ Более детально о проекте см. <https://multidiscourse.ru/corpus/>

функционал. Например, прагматический вниз, указательный вверх или изобразительный slide up. Одна из проблем такого подхода к аннотированию жестов головы — частая функциональная синонимия, когда на один жест наслаиваются функции, обусловленные разными дополнительными факторами. Например, в начале высказывания мы встречаем жест — голова идет вниз, который, с одной стороны, выполняет служебную функцию, так как маркирует начало высказывания, с другой стороны, может выполнять указательную функцию на жесты рук (если в этот момент руки что-то показывают), а также прагматическую функцию или нести еще какое-то другое значение, связанное с семантикой слова, на которое жест приходится. Некоторые исследователи предлагают называть такие жесты еще и ритмическими, согласно терминологии П. Экмана и У. Фризена в работе [Ekman, Friesen 1969], а МакНилл в своей работе [McNeill 1992] назвал их биения (beats). В дальнейших исследованиях были уточнены функции для жеста "голова вниз" или "кивок вниз". Как пишет Е. А. Гришина [Гришина 2017: 15], ссылаясь на работы [McClave 2000], [Boholm, Allwood 2010] и мн. др., они «совпадают с эмфатически выделенными зонами текста, а также могут отмечать синтаксические границы внутри высказывания и границу реплик (см., среди прочего, [Ishi et al. 2008]». Е. А. Гришина говорит далее о том, что велико и семантическое и синтаксическое влияние на жесты головой подобного рода (см. [Гришина 2017, Глава 8]) и считать их только биениями неверно, поскольку она в результате своих исследований выявила прагматический характер многих из них (см. [Гришина 2017: 550-554]) и обратила внимание на синонимию значений при трактовке подобных жестов.

Ж. Кальбрис отмечает, что эта синонимия значений затрудняет идентификацию жестов головы и их интерпретацию [Calbris 2008], обращая внимание на тот факт, что каждый жест надо трактовать не только с точки зрения говорящего, определяя, какую функцию он нес, но и с точки зрения слушающего, отмечая, какая функция была ему приписана или могла быть приписана. Такой подход указывает прежде всего на коммуникативные функции жестов, а не только на их служебный или семантический характер. Ж. Кальбрис на примере

наклона головы и данных, приведенных при анализе этого жеста у ее предшественников [Morris 1987: 48], [Montagner 1978: 282] и в ее более раннем труде [Calbris 1983: 730-731] отмечает важность понимания при трактовке жеста головы: видим ли мы в нем перемещение точки, и в случае наклона, верхней или нижней (=дейктическое движение, связанное со временем), или же отклонение линии от оси, что может быть трактовано уже как поза, например, нежности. В дополнение к этому также необходимо учитывать, является ли жест воспроизведением чужого движения (и тогда эта история обращается к подробно разработанной Е. А. Гришиной теме анализа точки зрения [Гришина, 2017]), что, в свою очередь, может дополнить функциональные характеристики жеста (см. [Евдокимова, Николаева 2021]). У. Хадар для дифференциации типа кивков у слушающих [Nadar et al. 1985] использует фиксацию амплитуды движения. Мы же помимо маркирования амплитуды в одном из служебных слоев предлагаем еще в случаях замирания в конечной точке жеста отмечать это отдельным тегом, так как такое замирание, как показал процесс аннотирования эталонного подкорпуса RUPEX, часто меняет функцию жеста, а также позволяет считать его не только жестом, но и сменой позы.

При анализе речи Н. Саркози в видеоинтервью, Ж. Кальбрис подтверждает, что движения головы вверх или вниз воспроизводят восходящий и нисходящий тоны интонации, а У. Хадар на английском материале обращает внимание, что жесты головы могут подчеркивать ударные слоги [Nadar et al. 1983, 1985]. Поскольку в корпусе RUPEX интонация на данном этапе не размечена, мы не можем проверить верность ее наблюдения для русского языка, однако надеемся сделать это в будущем. А пока для нас важным аспектом является то, как применить все это в аннотировании и позволить пользователю аннотации самому верифицировать при просмотре полученные данные. Отсюда возникает необходимость тегировать не только основные сведения по каждому движению, его тип, направление, к какой группе оно относится, но и сопутствующие факторы, которые позволят определить его функциональный тип, в случае жеста и разграничить наслоение значений. Одно из таких наслаивающихся

значений, которые мы вынуждены маркировать, было отмечено еще Гришиной, которая пишет, что они «имеют функцию организации высказывания — контролируют передачу реплик в диалоге, выступают в качестве визуального аналога пауз и акцентных диакритик» [Гришина 2017: 10]. Кроме того, поскольку глаза находятся на голове и иногда голова выполняет только служебную функцию по перемещению взгляда в том диапазоне, когда движения самих глаз недостаточно, то возникает необходимость фиксации таких глазодвигательных показателей, как закрытие глаз и моргание. Эти отчасти «служебные» жесты головы маркируются нами как г (регуляторы), и особенно они важны у говорящего, если слушающий сидит рядом. Их можно назвать одновременно и прагматическими, если они сопутствуют выделяемым интонацией лексемам или, как сложилось в эксперименте корпуса RUPEX и часто повторяется в разных записях, Нарратор хочет уточнить по реакции Комментатора, правильно ли он воспроизводит события. Однако есть исследователи, которые предлагают подобные жесты, обусловленные положением участников в пространстве при коммуникации, не учитывать при анализе.

Подход к называнию жестов головы, который предлагает К. Иши при аннотировании [Ishi et al. 2008], кажется нам слегка запутывающим, как его маркирование кивком (nod) любого движения головой вниз или вверх, что особенно наглядно проявилось в его принципе выделения мультикивков. При аннотировании эталонного подкорпуса Rupex оказалось, что эти серии из движений up-down на самом деле почти никогда не имеют единой функции на серию и по факту оказываются принадлежащими к разным жестам.

В работе С. Кусидиса и его коллег [Kousidis S. et al. 2013] разделяются кивки сверху вниз (nod) и снизу вверх (jerk), а также выделяются жесты головой вперед и назад и движение, состоящее из двух слайдов: влево и вправо, которое обозначается как shift. Таким образом, мы видим противопоставление простых и составных движений, состоящих либо из движений одного типа (shake), либо из движений разного типа, например, все виды кивков. Мы в своей

аннотации вводим только тег `pod` с уточнением номера в зависимости от его состава и последовательности движений, поскольку в русском языке нет соответствующего аналога для `jejk`. Возможно, в дальнейшем мы введем использование этого термина в аннотирование, если примеры с `jejk`-ами будут противопоставлены `pod`-ам по всем остальным своим характеристикам, кроме направления. С этим противопоставлением тесно связано взаимодействие жестов вниз и вверх головой, которые по своей функции не являются кивками. Последний из них Е. А. Гришина последовательно в своей работе [Гришина 2017] называет ПВ (подбородок вверх) или указание подбородком для указательных жестов такого рода. На данном этапе аннотирования мы называем эти жесты по направлению движения, `up` и `down` соответственно, и указываем присущие им функции.

Еще один сюжет, который выделила в своей книге Е. А. Гришина, реакция слушающего на чужую речь, а также предвосхищение подобной реакции говорящим. Одним из проявлений такой реакции являются «жесты дистанцирования от чужой речи, в частности отклонение головы и тела несколько назад» [Гришина 2017: 413]. Как показал анализ нашего эталонного подкорпуса, подобные жесты могут быть и фоновыми жестами, характеризующими цефалический портрет участника эксперимента, например, как в случае Нарратора из 22 записи. Поскольку они могут выполняться как собственно головой, так и быть эхом от движений корпуса, последние мы размечаем в слое `Movements B`, а синонимичные им движения корпуса, когда голова перемещается за счет движений тела, в слое `Displacement`. При этом мы допускаем, что эти «фоновые» жесты при включении в анализ данных интонации и просодии могут оказаться в том числе и служебными, маркирующими ударные слоги или иллюстрировать движение интонации в рамках соответствующих ИК.

Таким образом, на данном этапе аннотирования эталонного подкорпуса `RUPEX` мы ставим своей задачей максимально указывать контекст, в котором осуществляется жест, чтобы в случае изменения стратегии выбора функциональных типов жестов, в том числе расширения спектра функций, аннотаторы могли обосновать свои решения и дифференцировать жесты, характеризующиеся

одинаковыми формальными признаками, такими как направление движения. Пока мы решили не идти по пути дифференциации этих жестов через тегирование их разными тегами, чтобы полнее показать синонимию, сопутствующую почти каждому из цефалических жестов вследствие специфики жестового поведения головы и принципиального в этом параметре отличия от жестового поведения рук, что делает невозможным прямые переносы некоторых вполне работающих для мануальных аннотаций стратегий и решений.

Литература

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: ЯСК, 2017.

Евдокимова А. А., Николаева Ю. В. Точка зрения персонажа и точка зрения наблюдателя: их реализация в жестах головы и рук // Когнитивные исследования языка. 2021, № 1 (44). С. 182–189.

Boholm M., Allwood J. Repeated head movements, their function and relation to speech // Proceedings of LREC workshop on multimodal corpora advances in capturing coding and analyzing multimodality. Valetta, 2010. P. 6–10.

Calbris G. Contribution à une analyse sémiologique de la mimique faciale et gestuelle française dans ses rapports avec la communication verbale, 4 vol. (1. Expérimentation, 2. Taxinomie, 3. Synthèse, 4. Annexe illustrative), Thèse d'État, 1478 p., 17 microfiches. Paris, 1983.

Calbris G. La tête de Nicolas Sarkozy, ou les fonctions des gestes de la tête durant l'énonciation // Mots. Le langage du politique. 2008. № 86. P. 98–118. <https://journals.openedition.org/mots/14002>.

Ekman P., Friesen W. V. (1969). The repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage and coding // Semiotica. 1969. V. 1. Iss. 1. P. 49–98.

Graf H. P., Cosatto E., Strom V., Fu Jie Huang. Visual prosody: Facial movements accompanying speech // Proceedings of the Fifth IEEE International Conference on Automatic Face and Gesture Recognition (FGR'02), Washington (DC), 2002. P. 396–401.

Hadar U., Steiner T. J., Grant E. C., Clifford Rose F. Kinematics of head movement accompanying speech during conversation. *Human Movement Science* 2 (1983), 35-46.

Hadar U., Steiner T. J., Clifford Rose F. Head movement during listening turns in conversation. // *Journal of Nonverbal Behavior* 9(4), Winter 1985. P. 214-228.

Ishi C. T., Ishiguro H., Hagita N. Analysis of inter- and intra-speaker variability of head motions during spoken dialogue // Göcke R., Lucey P., Lucey S. (eds). AVSP-2008 Proceedings, International Conference on Auditory-Visual Speech Processing 2008, September 26–29, 2008; ISCA Archive Tanga-looma Wild Dolphin Resort, Moreton Island, Queensland, P. 37–42.

Kendon A. Some relationships between body motion and speech. An analysis of an example // *Studies in Dyadic Communication*, A. Siegman, B. Pope éd., Elmsford, New York, Pergamon Press, 1972, p. 177-210.

Kousidis S., Malisz Z., Wagner P., Schlangen D. Exploring Annotation of Head Gesture Forms in Spontaneous Human Interaction // TiGeR 2013, Tilburg Gesture Research Meeting. <https://tiger.uvt.nl/pdf/papers/kousidis.pdf>.

McClave E. Linguistic functions of head movements in the context of speech. // *Journal of Pragmatics* 32 (2000), p. 855-78, <https://web.media.mit.edu/~cynthiab/Readings/McClave-99.pdf>.

McClave Evelyn. Cognitive universals : evidence from head movements in the context of speech // IIe ISGS Conference, Lyon, 15-18 juin 2005, *Interacting Bodies. Abstracts*, p. 128.

McNeill David. *Hand and Mind. What Gestures Reveal about Thought.* Chicago: 1992

Montagner H. *L'enfant et la communication.* Paris, Stock (Laurence Pernoud): 1978. DOI: 10.3917/dunod.monta.2012.01

Morris D. *La clé des gestes.* Paris, Grasset: 1987.

Sukhova N. V., Evdokimova A. A. (2024). Annotating the cephalic channel (в печати)

ОРИЕНТИРОВАННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ОТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К МОДЕЛИРОВАНИЮ НА РОБОТЕ-КОМПАЬОНЕ

А. А. Зинина, А. А. Котов, Н. А. Аринкин

Национальный исследовательский центр

«Курчатовский институт»

Московский государственный лингвистический университет

Российский государственный гуманитарный университет

(Москва, Россия)

Zinina_aa@nrcki.ru

Участники диалога в своём невербальном поведении могут учитывать расположение собеседника, а также положение объекта интереса – денотата обсуждения. Направление на собеседника, прежде всего, важно для взглядов (говорящий должен поворачивать к собеседнику голову и направлять на него взгляд), для жестов апелляции и остановки (эти коммуникативные действия имеют отношение к адресату и совершаются в его направлении), для невербального выражения эмоций в отношении адресата. Направление на объект интереса, прежде всего, важно для указательных жестов – говорящий выполняет ориентированное движение своей рукой, головой и телом, взглядом и т. д. в направлении обозначаемого объекта, чтобы привлечь к нему внимание собеседника. Во всех этих случаях означающее жеста меняется в зависимости от направления на объект. В корпусе REC размечены 737 элементов невербального поведения, требующих учёта направления на собеседника, и 322 случая, требующих учёта направления на объект интереса. Изменение жеста для учёта положения объекта в пространстве характерно далеко не для всех элементов поведения. Многие жесты выполняются в «абсолютных» координатах и не зависят от окружающих объектов. Это, например, абстрактные иконические жесты, выражение размышления (человек наклоняет голову, направляет взгляд вбок или вверх), взаимодействие человека со своим телом (человек тербит одежду, трогает себя за лицо, волосы), закрывающие жесты (человек закрывает руками часть лица), многие типы выражения эмоций (человек закатывает глаза, разводит руками) и т. д. При создании

роботов-компаньонов, имитирующих невербальное поведение человека, демонстрация «абсолютных» жестов является сравнительно простой задачей, тогда как «относительные» жесты, зависящие от направления на внешние объекты, представляют существенные трудности. В этой работе мы рассматриваем специфику выполнения на роботе-компаньоне Ф-2 относительных (ориентированных) жестов.

При выделении жестов мы основываемся на разметке коммуникативных функций в корпусе REC [Котов, Зинина, 2015]. Определенная функция приписывается отдельному элементу невербального поведения. При этом мы хотим оценить, с какими коммуникативными функциями, выраженными любыми исполнительными органами (руками, головой, телом), совпадают во времени движения рук, направленные на адресата (см. рисунок 1). Стоит отметить, что на представленном графике отдельная функция не обязательно выражаются через руки. Отдельная коммуникативная функция может иметь несколько способов выражения (например, выражаться с помощью движений головы, рук или мимики), кроме этого, может выражаться сразу несколькими исполнительными органами или чем-то одним – комплексное или редуцированное выражение [Зинина и др., 2017].

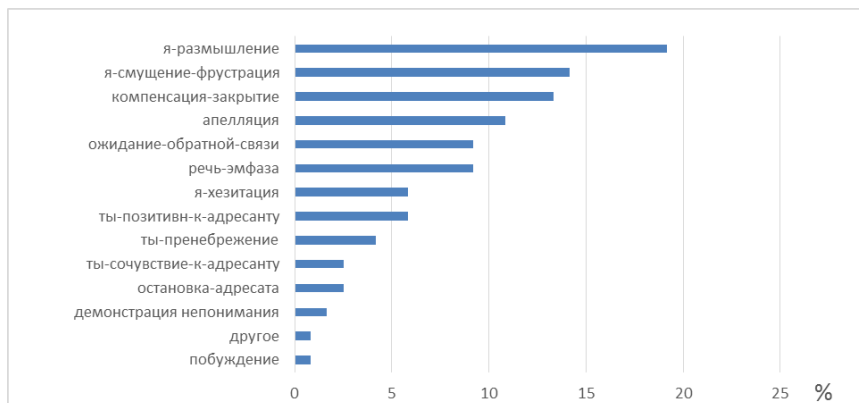

Рис. 1. Пересечение коммуникативных функций с движениями рук, направленными на адресата

На рисунке 1 видно, что направленные движения рук соотносятся с функцией *я-размышление*, а также с функциями *я-смущение-фрустрация* и *компенсация-закрытие*. Выражение данных функций обычно не связано с учетом направления на адресата. Ориентированные действия рук могут являться следствием некоторого ментального состояния (размышления) или вызывать ментальное состояние (смущение, компенсацию). В первом случае при размышлении, выражаемом головой и взглядом, адресант стремится сохранить коммуникативный контакт, поэтому выполняет руками движения, направленные на адресата – рисунок 2.

Рис. 2. Выражение размышления через взгляд вбок и поворот головы в сочетании с направленным на оппонента жестом: 20081215-firp-a05(52:12-54:55)

Во втором случае обращение к адресату вызывает некоторые механизмы компенсации (прикусывания губ, автоманипуляцию). Таким образом, коммуникативное действие вызывает определенное ментальное состояние, в терминах теории вежливости [Brown, Levinson, 1987] – выполнение *действия, угрожающего лицу адресата* (face threatening act), вызывает стратегии негативной вежливости (механизмы компенсации).

Следующие по распространенности функции, *апелляции* и *ожидание*, выражаются непосредственно через направленное к собеседнику движение – коммуникативная функция приписывается самому ориентированному жесту. Таким образом, направленные жесты

оказываются крайне важны как для непосредственного выражения коммуникативных функций, так и как часть сложного коммуникативного механизма, включающего выражение ментальных состояний и стратегий вежливости.

Для выполнения на работе ориентированных жестов мы используем следующий подход. Поведение робота описывается с помощью множества сценариев – стратегий поведения типа *если-то* (продукций). В ответ на входящий стимул сценарий может активизироваться и построить фрагмент исходящего поведения на языке BML, включающий высказывания и элементы поведения. Объект, на который направлено поведение, передается из сценария в соответствующий жест в качестве параметра *target*. В следующем фрагменте описания на языке BML показаны кивок (*nod_up_rel*) адресату (*target="1"*) и указание (*handpoint_rel*) правой рукой (*hand_r*) на адресата:

```
<scenario id="example">
  <bml>
    <neck lexeme="nod_up_rel" target="1"/>
    <pupils lexeme="nod_up_rel" target="1"/>
    <hand_r lexeme="handpoint_rel" target="1"/>
  </bml>
</scenario>
```

При разработке и сохранении жеста мы предполагаем, что существует некоторое прототипическое направление для зрительного контакта (глаза направлены на собеседника, лицо полностью повернуто к собеседнику) и для ориентированного жеста (рука прямо направлена на объект-интереса). Ориентированный жест получает в базе робота описание в координатах относительно данных прототипических направлений. Например, робот может кивать человеку (жест *nod_rel*), при этом голова движется относительно направления на собеседника, а глаза сохраняют направление на собеседника («зрительный контакт»). Робот также может указывать на объект, поднимая руку и приводя её в соответствие с направлением на объект (*handpoint_rel*), либо обращаться к человеку, ориентируя обе руки в направлении человека. При выполнении ориентированного жеста, жест модифицируется с учётом направления на адресата или

объект интереса (рисунок 3), при этом координаты объекта передаются роботу системой компьютерного зрения.

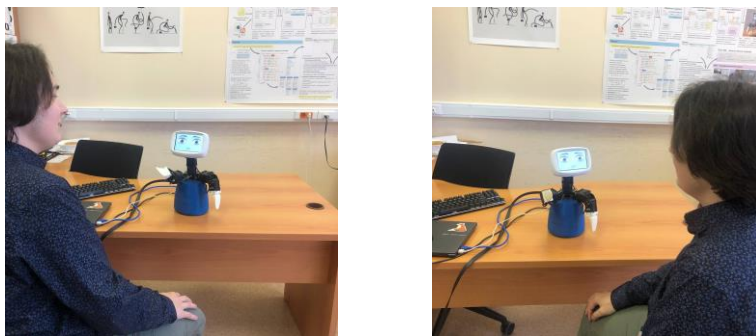

Рис. 3. Выполнение на работе пакета поведения с ориентированными жестами при разном положении собеседника

На данный момент для робота разработано 39 ориентированных жестов, учитывающих направление на человека. Эти жесты предназначены для демонстрации кивков (в функциях *одобрение* или *запрос обратной связи*), выражения отрицания и остановки адресата, для пространственного указания на объект, для снижения ценности объекта (махи, как при высказывания *Ерунда какая-то!*), для выражения радости (кивки и махи в направлении адресата). База ориентированных жестов будет пополняться.

Литература

Котов А. А., Зинина А. А. Функциональный анализ невербального коммуникативного поведения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 14. Т. 1. М.: РГГУ, 2015. С. 299-310.

Зинина А. А., Котов А. А., Аринкин Н. А., Зайдельман Л. Я. Наложение коммуникативных функций: изучение на мультимодальном корпусе «Res» и перенос на робота «Ф-2» // Труды международной конференции "Корпусная лингвистика – 2017". СПб: СПбГУ, 2017. С. 178-182.

Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage (Studies in Interactional Sociolinguistics). Cambridge, 1987.

ПОЛИМОДАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПРИ КОЛЛАБОРАТИВНОМ РЕШЕНИИ МЕТАЯЗЫКОВОЙ ЗАДАЧИ *

М. И. Киосе, А. В. Леонтьева, О. В. Агафонова, А. А. Петров

Институт языкознания РАН

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

maria_kiose@mail.ru

В настоящей работе анализу подвергаются структурные и функциональные характеристики полимодальной коллаборативной коммуникации, нацеленной на решение общей для обоих участников метаязыковой задачи. В качестве структурных характеристик изучаются 1) состав и последовательность реализации коммуникативных этапов, 2) состав речевых действий и неречевых действий (контактоустанавливающих жестов и взгляда, ориентированного «на лицо» собеседника), соотносимых с коммуникативными этапами. В качестве функциональных характеристик исследуются 1) кластеры речевых и неречевых действий, определяющиеся в разных коммуникативных этапах коллаборативного полимодального экспозитива, 2) представленность кластеров в полимодальном поведении участников коммуникации.

Материалом исследования являются 3 записи (общей продолжительностью около 57 минут) речевого, жестового и глазодвигательного поведения взрослых говорящих, перед которыми была поставлена задача пояснения различий между однословными номинативными синонимами типа *огонь* и *пламя*, *ложь* и *вранье*, *мертвец* и *труп* и др. Объектами анализа становятся последовательности коммуникативных этапов, а именно, Запроса на совместное действие, Реакции на запрос (далее мы покажем, что в нашем случае этот этап реализуется в виде Развития темы) и Оценки факта и способа совместного построения (в нашем случае – Ответа-реакции), эксплицитированные в речевых действиях, реализующих те или иные коммуникативные действия, в контактоустанавливающих жестах, во

взгляде «на лицо» собеседника и условно речевых действиях (выражения хезитации, смысловые паузы и др.). В работе Н. А. Коротаева (2023) (с опорой на перечисленные выше этапы по [Гренобль 2008]) было показано, что данные коммуникативные этапы определяют развитие коллаборативного пересказа собеседниками (в порядке – Запрос на совместное действие, Оценка факта и способа совместного построения, Реакция на запрос); однако, как мы предполагаем, применительно к экспозитиву они будут демонстрировать некоторые отличительные особенности. Выбор речевых и неречевых действий также неслучаен. Применение речевых действий, соотносимых с коммуникативными действиями (и коммуникативными стратегиями), успешно реализовано при анализе устного монологического и диалогического дискурса [Кибрик, Подлесская 2009]. Контактустанавливающий / интеракционный жест, являясь многофункциональным, тем не менее нацелен на реализацию функции вовлечения собеседника в коммуникацию [Curioni et al 2020]. Такие жесты поэтому в том числе обладают функцией указания: как пишет Е. А. Гришина, они могут реализовываться в трех разновидностях – ладонью вверх (в этом случае будучи ориентированы на вопрос, просьбу, аргумент и обращенные к лицу, которое видит, что на него указывают), ладонью вниз (более ориентированы на императив), указание пальцем (указательным, обращенные к лицу, которое не видит, что на него указывают) [Гришина 2012: 48]. Однако их отличительной чертой неизменно выступает не только ориентация на собеседника, но и наличие направленного движения (поэтому названные выше формы выступают для нас в качестве вариантов (способов) реализации общего коммуникативного значения [Savchuk 2022]); также это свидетельствует о том, что не любой указывающий на собеседника жест является контактустанавливающим. В отношении взгляда «на лицо» собеседника также, в первую очередь, укажем на его прагматическую и эмоциональную многофункциональность; однако в настоящей работе данное невербальное действие будет рассмотрено вслед за [Brône et al. 2017] как коммуникативно нагруженное, а именно, способное указывать на интенции сохранения, привлечения внимания собесед-

ника в диалоге. Для фиксации взгляда обоих собеседников в ходе эксперимента применялись очки-айтрекеры (Tobii Pro Glasses 2, 1920×1080, 25 FPS). Разметка и аннотирование материала проходило в программе ELAN. Примеры использования невербальных действий, контактоустанавливающих жестов и взгляда, направленного на лицо собеседника приведены на Рис. 1.

Рис. 1. Использование взгляда «на лицо» участником слева и контактоустанавливающего жеста участником справа

На первом этапе анализа, следующем за этапом аннотирования полученных записей (по типам коммуникативного хода и типам речевых и неречевых действий), были сделаны выводы в отношении структуры коллаборативного экспозитива. В качестве примера рассмотрим фрагмент речевого поведения (при формировании общей позиции в отношении различий между синонимами *ложь* и *вранье*) одной из записей.

Участник слева	Участник справа
1. смех	
	2. ну... а / перебив /
3а. большое и маленьк / вместе / ая	3б. ложь
	4. ну да...
5б. по сути правильно кладу вроде бы	5а. ну по сути вранье / вместе / этооо...

<i>6а-б. смех</i>	<i>6а-б. ложь?</i>
<i>7а-б. смех</i>	<i>7а-б. смех</i>
<i>8а-б. смех</i>	<i>8а-б. правильно будет клади</i>
	<i>9. ложь это</i>
	<i>10. ммм</i>
	<i>11. какая-то намеренная дезинформация / а вранье ну это возможно эээ</i>
	<i>12. эффф</i>
	<i>13. мне кажется ложь используется когда ты пытаешься кого-то уличить во лжи (пауза)</i>
<i>14б. уууу (что-то типа согласия-размышления)</i>	<i>14а. и сказать что / вместе /</i>
<i>15б. да здесь нет разницы</i>	<i>15а. то что ты говоришь это ложь / а вранье это когда например про тебя .. кто-то плохо сказал эээ кто-то .. / вместе / нишии нелицеприятно о тебе высказался</i>
<i>16. да здесь нет разницы</i>	
<i>17. потому что зависит от того .. / перебив /</i>	
	<i>18. это вранье</i>
<i>19а. смотря кто / вместе/ спрашивает</i>	<i>19б. хотя не знаю</i>

В данном фрагменте из 27 единиц анализа – вербальных действий – 16 единиц произносятся либо полностью одновременно и имеют совпадающие моменты начала и завершения, либо частично одновременно и имеют пересекающиеся по времени фрагменты. В этом заключается важное отличие полученных записей от материалов,

анализируемых Н. А. Коротаяевым (2022, 2023), в которых действия указаны как совершающиеся последовательно по времени. Был сделан вывод, что хотя формально коммуникативные этапы могут быть установлены в записи, но их построение в качестве последовательности циклов представляется затруднительным. Также обращаем внимание, что из 27 единиц только одна – П.6а-б. *ложь?* может (с большой долей условности) быть рассмотрена как вербальный Запрос на совместное действие. Это позволяет предположить, что в качестве Запроса будут выступать невербальные действия; однако, как мы помним, контактоустанавливающие жесты и взгляд «на лицо» собеседника являются многофункциональными действиями, поэтому утверждать, что в некотором конкретном случае они использовались именно в качестве Запроса, не представляется возможным. Сходная ситуация наблюдается и в отношении Ответа-реакции – здесь это вербальные действия 4, 14б, 15б, 16, 19б – однако эту функцию могут выполнять и невербальные действия. Основную коммуникативную нагрузку в развитии идеи метаязыкового пояснения несут действия этапа Ответа-реакции. Реакцией на запрос служат действия, развивающие идею решения метаязыковой задачи, поэтому далее этот этап мы будем называть Развитие темы; здесь это 2, 3а и 3б, 5а и 5б, П8а-б, 9, 11, 13, 14а, 15а, 17, 19а. Значимым представляется то, что Развитие темы реализуется всегда (или почти всегда) вербально; это позволяет использовать действия данного этапа в качестве некоторой «точки отсчета» для моделирования структуры коллаборативного экспозитива. Отметим, что три этапа вводились в порядке 1) Запрос на совместное действие, 2) Развитие темы, 3) Реакция-ответ; данный порядок отличается от указанного в [Коротаяев 2023].

В ходе анализа мы также обратили внимание на то, что Развитие темы происходит двумя путями, с использованием общей и новой темы. Такое наблюдение согласуется с положениями теорий, исследующих типы темы-топика [Tomlin 1987]. В начальных фрагментах пояснений (как в приведенном выше) чаще наблюдается использование новой темы, однако в действительности в каждом цикле пояснения отмечено своеобразие в чередовании типов темы и в распределении частотности новой и общей тем. В связи с высокой

представленностью в вербальных действиях двух указанных вариантов Развития темы, было принято решение о принципиальной возможности подвергать анализу последовательность реализации коммуникативных этапов и состав вербальных и невербальных действий с опорой на 1) Развитие общей темы, 2) Развитие новой темы.

Для установления структурных и функциональных особенностей коммуникации была разработана особая дополнительная система разметки кластеров действий, организованных вокруг общей и новой тем с учетом двух участников коммуникации; приведем ее пример:

Случай п. Развитие новой темы.

ЗАПРОС [[P1: Взгляд, Жест] [P2: 0]]

РАЗВИТИЕ ТЕМЫ [[P1: Взгляд] [P2: Взгляд, Развитие темы в речи]]

ОТВЕТ-РЕАКЦИЯ [[P1: Взгляд, Речевое действие] [P2: Взгляд]]

В квадратных скобках размечаются действия каждого из участников (Р) коммуникации с учетом наличия / отсутствия каждого из исследуемых действий – речевого действия, контакто-устанавливающего жеста (Жест) и взгляда, ориентированного на лицо собеседника (Взгляд), условно речевых действий.

На втором этапе анализа с применением указанной системы разметки и статистических расчетов были получены данные в отношении функциональных характеристик коммуникации, а именно, в отношении 1) кластеров действий, соотносимых с коммуникативными этапами, 2) представленности кластеров в полимодальном поведении участников коммуникации. В записях 1–3 были идентифицированы 630 кластеров, включающих коммуникативные этапы, реализованные вербальными и невербальными действиями; всего собеседниками даны 42 цикла метаязыковых пояснений. Подробно разные аспекты полученных результатов освещены в [Iriskhanova et al 2023; Kiose et al 2023]; приведем далее некоторые обобщения.

Так, вербальный запрос действительно используется гораздо реже, чем вербальный ответ-реакция (193 и 284 случая). Проведенный

далее анализ с целью установления возможных значимых различий в распределении невербальных действий выявил, что такие различия имеются в использовании контактоустанавливающего жеста с Запросом и Ответом-реакцией ($\chi^2=18.272$, $p<0.001$); при этом различий в использовании взгляда «на лицо» с Запросом и Ответом-реакцией нет ($\chi^2=1.511$, $p=0.219$).

Далее были установлены наиболее частотные кластеры вербальных и невербальных действий с каждым из коммуникативных этапов. Так, для Запроса было получено следующее распределение: [[P1: Взгляд] [P2: Взгляд]] – 75 случаев; [[P1: Взгляд] [P2: 0]] – 75 случаев; [[P1: 0] [P2: 0]] – 71 случай. Для Развития темы это [[P2: Взгляд, Вербальное действие] [P1: Взгляд]] – 127 случаев; [[P2: Взгляд, Вербальное действие] [P1: Взгляд, Вербальное действие]] – 86 случаев; [[P2: Взгляд, Жест, Вербальное действие] [P1: Взгляд]] – 54 случая. Для Ответа-реакции это [[P1: Взгляд] [P2: Взгляд]] – 78 случаев; [[P1: 0] [P2: Взгляд]] – 76 случаев; [[P1: 0] [P2: 0]] – 49 случаев; [[P1: Взгляд] [P2: 0]] – 41 случай; [[P1: Взгляд, Речевое действие] [P2: Взгляд]] – 38 случаев.

Также были выявлены различия в распределении кластеров в случаях развития новой и общей темы. В целом количество случаев развития общей темы выше и составляет 62% всех случаев Развития темы (388 и 242 случая). Были выполнены тесты на наличие различий в выборе речевых и неречевых действий в составе кластеров при Развитии новой темы и Развитии общей темы. На всех этапах обнаружены отличительные особенности, однако самые высокие различия установлены в использовании взгляда «на лицо» собеседника и контактоустанавливающего жеста активного участника, инициирующего Запрос. Использование взаимно направленного взгляда преобладает в ходе Запроса в составе кластера действий при развитии общей темы, в то время как развитие новой темы определяет более интенсивное использование взгляда слушающим в ходе ответного действия. Также выявлено, что одновременное (обоими участниками) вербальное развитие темы чаще происходит на этапе развития общей темы.

Таким образом, установлено, что зрительный контакт играет ведущую роль на этапе Развития темы, при этом он значим для обоих собеседников; на этапах Запроса и Ответа-реакции зрительный контакт также важен, не являясь при этом обязательным, будучи более значимым для того, кто совершает Запрос или Ответ-реакцию. Роль контактоустанавливающего жеста оказывается важной именно на этапе Развития темы; очевидно, его функция не ограничивается установлением контакта, а скорее определяется его поддержкой (также возможны дополнительные функции) в ходе формирования общей позиции.

Литература

Гренобль Л. (2008). Синтаксис и совместное построение реплики в русском диалоге. Вопросы языкознания, 1, 25–36.

Гришина Е. А. (2012). Указание рукой как система (по данным Мультимедийного русского корпуса). Вопросы языкознания, 3, 3–50.

Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.). (2009). Рассказы о свидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур.

Коротаев Н. А. (2022). Разметка случаев совместного построения в мультиканальном корпусе. Когнитивные исследования языка, 4(51), 393–397.

Коротаев Н. А. (2023). Мультиканальное взаимодействие при совместном построении синтаксических конструкций в диалоге. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», 22, 254–266.

Brône G., Oben B., Jehoul A., Vranjes J., Feyaerts K. (2017). Eye gaze and viewpoint in multimodal interaction management, *Cognitive Linguistics*, 28(3), 449–483.

Curioni A, Knoblich G. K., Sebanz N., Sacheli L. M. (2020). The engaging nature of interactive gestures. *PLoS ONE* 15(4): e0232128. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0232128>

Iriskhanova O. K., Kiose M. I., Leonteva A. V., Agafonova O. V., Petrov A. A. (2023). Multimodal collaboration in expository discourse: verbal and nonverbal moves alignment. *Lecture Notes in Artificial Intelligence* 14338, 350–363.

Kiose M. I., Leonteva A. V., Agafonova O. V., Petrov A. A. (2023). Multimodal communicative moves in expository dialogue: Common and novel topic elaboration. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 595–616.

Savchuk S. O. (2021). On the diachronic aspect of gestural communication. *Languages and Modalities*, 1, 95–107.

Tomlin R. S. (ed.) (1987). *Coherence and grounding in discourse*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

*Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Кинетические и вокальные аспекты коммуникации: параметры варьирования» (проект № FMNE-2022-0015) в Институте языкознания РАН.

ЖЕСТ «ПОЦЕЛУЙ В ГЛАЗА» И ЕГО ЯЗЫКОВЫЕ НОМИНАЦИИ

С. В. Кондакова, С. И. Переверзева

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)
p_sveta@hotmail.com*

В докладе исследуются основные номинации жеста «поцелуй в глаза» и строится его лексикографическое описание. Материалом служат художественные тексты Национального корпуса русского языка.

Существуют три базовых модели управления глагола *целовать*, при котором в роли объекта выступает номинация части тела «глаза»: *X целует глаза Y-а* (посессор обозначается притяжательным местоимением или имеет форму Р.п.), *X целует глаза Y-у* (посессор в Д.п.) и *X целует Y-а в глаза* (посессор в В.п.). Такие конструкции с глаголами физического контакта уже изучались неоднократно [Пискунова, Минлос 2002; Апресян, Шмелев 2020; Podlesskaya, Rakhilina 1999; Nomachi 2020], однако некоторые выводы, на наш взгляд, нуждаются в уточнениях, в частности:

в работе [Пискунова, Минлос 2002] сочетание *целовать в глаза* отмечено как недопустимое, что очевидно не подтверждается нашими данными;

высказанное в той же работе предположение о том, что локативная диатеза предпочтительна для сложных именных групп, также скорее не подтверждается;

в работе [Podlesskaya, Rakhilina 1999] Д.п. посессора при глаголе *целовать* рассматривается как маркер социально значимой ситуации: так, в ситуации, обозначаемой фразой *Он поцеловал ей руку* (но не *Он поцеловал её руку*), подчёркивается как различие в статусах между адресатом жеста и его исполнителем, так и степень ритуализованности жеста в целом. Однако, как показывают наши данные, поцелуй в глаза такой особенностью не обладает.

В докладе будет охарактеризована частотность указанных трёх моделей в современном русском языке и русском языке XIX в. Кроме того, мы предположим, какие языковые факторы влияют на выбор между этими моделями управления и могут ли факторами такого рода быть некоторые признаки жеста «поцелуй в глаза» (например, гендер и статус участников, ситуация исполнения жеста).

Различаются два типа употреблений данного жеста: (1) поцелуй в глаза сопровождается другими поцелуями, ср. *Он стал страстно целовать губы, шею, глаза девушки* (Т. Моспан); (2) поцелуй в глаза выступает как обособленный, самостоятельный жест, ср. *Аксинья долго целовала его закрытые глаза, а потом и сама уснула...* (М. Шолохов). Мы считаем целесообразным рассматривать эти употребления по отдельности (возможно, даже как отдельные жестовые лексемы) и приведём в докладе приблизительное лексикографическое описание поцелуя в глаза как самостоятельного жеста, следуя принципам словаря [СЯРЖ 2001].

Литература

СЯРЖ 2001 – *Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е.* Словарь языка русских жестов. Москва–Вена, 2001.

Апресян В. Ю., Шмелев А. Д. Глаголы физического контакта: модели управления и семантические сдвиги // *Prace Filologiczne*, tom LXXV, cz. 1. Warszawa, 2020. С. 33–52.

Пискунова С. В., Минлос Ф. Р. Конструкции с внешним посессором в русском языке: семантика и синтаксис глаголов физического контакта // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. М., 2002. URL: <https://www.dialog-21.ru>.

Nomachi M. How do Russians verbalize the art of kissing? An appendix to Jurij D. Apresjan's analysis of the verb *celovat'* 'to kiss' // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*. Вып. 24. М., 2020. С. 241–256.

Podlesskaya V. I., Rakhilina E. V. External Possession, Reflexivization and Body Parts in Russian // *External possession* / Ed. D. Payne, E. Barschi. John Benjamins, 1999. P. 505–521.

КОРПУС «ЧТО Я ВИДЕЛ» КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ПАНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

^{1,2}*Н. А. Коротаев, ²Д. А. Панышева, ¹Е. А. Неверова,
²В. И. Подлеская*

¹*Российский государственный гуманитарный университет*
²*Институт языкознания РАН*
(Москва, Россия)
n_korotaev@hotmail.com

В настоящем докладе мы представляем новый ресурс — корпус устных и письменных нарративных текстов «Что я видел», а также даем краткий обзор первых результатов сопоставительного анализа речи говорящих с диагностированным паническим расстройством и говорящих из контрольной группы, полученных на материале этого корпуса.

Изучение речи пациентов, страдающих теми или иными заболеваниями психоневрологического спектра, — одна из активно развивающихся областей корпусных дискурсивных исследований. Наибольшее внимание при этом уделяется разного рода афазиям и органическим поражениям мозга: см., в частности, корпуса AphasiaBank [MacWhinney et al. 2011] и Russian CliPS [Khudyakova et al. 2016]. Меньше усилий тратится на анализ речевых проявлений невротических расстройств — крайне распространенных заболеваний, не обусловленных органическими поражениями головного мозга и психическими заболеваниями. Известным исключением тут является корпус «Рассказы о сновидениях», изначально записанный Е. А. Корабельниковой и в дальнейшем легший в основу одноименной коллективной монографии [Кибрик, Подлеская (ред.) 2009]. Особенности «Рассказов о сновидениях» было, во-первых, то, что информантами выступали подростки и дети, у части которых могли еще не полностью сформироваться навыки успешного построения нарративного текста, во-вторых, большое разнообразие диагнозов внутри широкого спектра невротических расстройств. Эти особенности в известной степени затрудняли интерпретацию результатов при сопоставительном анализе речи пациентов и детей из контрольной группы. Для преодоления этих проблем нами было предпринято новое

исследование, частично наследующее наработки предыдущих корпусов звучащей речи (см. <http://spokencorpora.ru/>).

Корпус «Что я видел» состоит из устных и письменных версий нарративов двух повторяющихся сюжетов: рассказа о запомнившемся сновидении и яркой истории из жизни. Испытуемыми выступили взрослые (15 – 59 лет) носители русского языка. У части из них было диагностировано паническое расстройство; остальные составили контрольную группу. Отбор испытуемых для участия в исследовании проводился под руководством Е. А. Корабельниковой и включал в себя батарею клинических и экспериментальных тестов, направленных на выявление клинической картины, соответствующей критериям «Панического расстройства» (F 41.0), обозначенным в «Международной статистической классификации болезней, травм, причин смерти» 10-го пересмотра. В целом, по данным [Корабельникова 2018], паническое расстройство является весьма распространенным заболеванием, фиксируемым у 2–5% популяции.

В дальнейшем участники поступали в распоряжение лингвистической команды, базировавшейся в РГГУ. Для получения нарративных текстов использовалось задание, сформулированное следующим образом: «Расскажите запомнившийся Вам сон / памятную историю из жизни настолько подробно, насколько сможете, не упуская деталей событий, образов, своих мыслей и чувств». С каждым испытуемым проводилось две сессии с разницей в 1-2 суток: во время первой сессии половине испытуемых предлагалось выполнить рассказы в устной форме, половине — в письменной; во время второй сессии их просили «рассказать те же истории», но уже в другом модусе. Вне зависимости от порядка следования устных vs. письменных версий в каждой сессии испытуемых просили сначала представить рассказ о сновидении, затем — рассказ о памятной истории из жизни. Записи производились в 2022–2023 гг., всего было получено 155 текстов (78 устных и 77 письменных; один испытуемый отказался от реализации одного из письменных текстов) от 39 испытуемых (19 — в группе пациентов, 20 — в контрольной группе). Общая продолжительность звучания устного подкорпуса (78 аудиофайлов) составила 191 минуту (92 минуты в группе пациентов, 99 минут в контрольной группе; медианная длительность рассказа — 114 секунд). Записи корпуса подвергаются дискурсивной аннотации в

духе «Рассказов о сновидениях», обновленные принципы которой описаны в [Kibrik et al. 2020]. Ниже приведены некоторые из предварительных результатов сопоставительного анализа речи 10 пациентов и 13 говорящих из контрольной группы.

К настоящему времени о дискурсивных рефлексах панического расстройства известно не слишком много, см. обзор последних работ в [Корабельникова, Яковлева 2023]. Наше исходное предположение состояло в том, что потенциальные различия между рассказами, полученными от испытуемых-пациентов и испытуемых контрольной группы, могут быть интерпретированы как свидетельства большей аффективной и информационной насыщенности нарративного дискурса у говорящих, страдающих паническим расстройством. В рамках настоящего доклада мы сосредоточимся на одном аспекте этого комплексного явления — просодической аффективности.

В качестве параметров просодической аффективности мы рассмотрели темп речи и ширину тонального диапазона. Согласно ряду исследований (см., в частности, [Scherer 1995; Hagenaaars, van Minnen 2005]), на значения обоих этих параметров могут оказывать влияние факторы страха и тревоги, которые, в свою очередь, регулярно сопутствуют паническим расстройствам. Нашей задачей было проверить предположение о том, что говорящим, страдающим паническими расстройствами, скорее свойственен повышенный темп речи и увеличенный тональный диапазон. Для проверки этих предположений мы провели сравнительный анализ на выборке из элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ) среднего для нашего корпуса объема (учитывался объем ЭДЕ в фонамах; в выборку попадали единицы со значениями между первым и третьим квартилями в распределении по этому параметру). Мерой темпа выступила средняя длительность произнесения фонемы на протяжении ЭДЕ. Эта метрика в целом соответствует понятию темпа артикуляции (*speaking rate*), регулярно используемому в фонетических исследованиях скорости речи (см., в частности, [Robb et al. 2004; Chon et al. 2012]). В свою очередь, для измерения тонального диапазона мы использовали разность между 90-м и 10-м перцентилями в ряду значений частоты основного тона (ЧОТ), определяемыми на протяжении ЭДЕ при помощи программы акустического анализа Praat (ранее мы применяли

аналогичную метрику для оценки темпа в конструкциях с дискурсивными вставками, см. [Коротаев 2021]). При этом — чтобы минимизировать влияние анатомических характеристик говорящих на полученные результаты — при измерении ЧОТ мы опирались не на абсолютные значения (герцы), а на относительные (полутона).

Были получены следующие результаты.

А. Значимые межгрупповые различия в темпе артикуляции отсутствуют. Средние значения по ЭДЕ составили 77,33 мс у контрольной группы и 77,43 мс у группы пациентов; различие не обладает статистической значимостью ($p > 0.7$; критерий Манна-Уитни).

Б. Тональный диапазон у пациентов значимо шире, чем у испытуемых из контрольной группы. Средние значения по ЭДЕ составляют 8,17 полутона у пациентов против 7,18 полутона у контрольной группы; различие обладает статистической значимостью ($p < 0.05$; критерий Манна-Уитни). Диаграммы размаха для группы пациентов и для контрольной группы приведены на рис. 1.

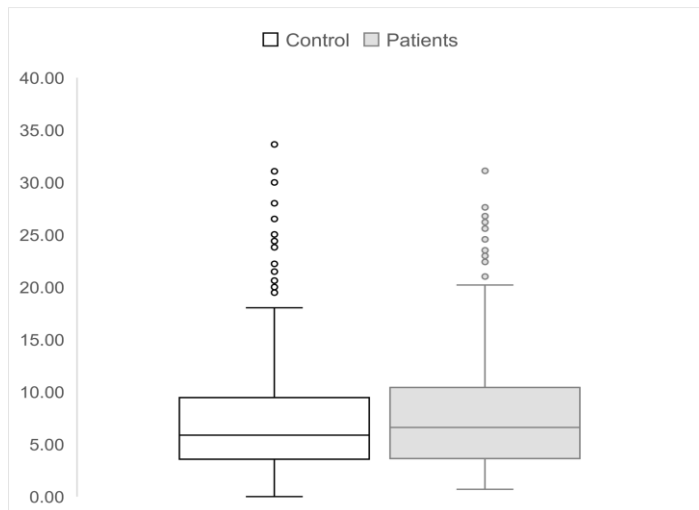

Рис. 1. Диаграммы размаха значений ширины тонального диапазона (в полутонах) в выборке ЭДЕ испытуемых-пациентов и испытуемых из контрольной группы

Таким образом, из двух исходных предположений статистическое подтверждение на текущем этапе исследования получило только одно: движения тона у пациентов характеризуются большей рельефностью. Мы интерпретируем этот факт как признак повышенной аффективности, свойственной речи пациентов с паническим расстройством. В то же время гипотеза о том, что речи пациентов будет свойственен более высокий темп, на наших данных не подтверждается.

Корпус «Что я видел» находится в стадии разработки. Мы надеемся, что по мере завершения и уточнения дискурсивной разметки материалы этого корпуса смогут послужить источником новых сведений об особенностях нарративного дискурса в целом и его реализации пациентами, страдающими паническим расстройством, в частности.

Литература

Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.) (2009) *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: ЯСК.

Корабельникова Е. А. (2018) Нарушения сна при паническом расстройстве, *Журнал неврологии и психиатрии* 4(2), 99–106.

Корабельникова Е. А., Яковлева Е. В. (2023) Лингвистические корреляты панического расстройства: обзор, *Медицинский совет* 23, 382–388.

Коротаев Н. А. (2021) Конструкции с дискурсивными вставками в устной русской речи: базовые типы и просодические свойства, *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции "Диалог"* 20(27), 413–424.

Chon, H. C., Sawyer, J., Ambrose, N. G. (2012) Differences of articulation rate and utterance length in fluent and disfluent utterances of preschool children who stutter, *Journal of Communication Disorders* 45(6), 455–467.

Hagenaars, M. A., van Minnen, A. (2005) The effect of fear on paralinguistic aspects of speech in patients with panic disorder with agoraphobia, *Journal of Anxiety Disorders* 19(5), 521–537.

Khudyakova, M., Bergelson, M., Akinina, Y., Iskra, E., Toldova, S., Dragoy, O. (2016) Russian CliPS: a corpus of narratives by brain-damaged individuals. In: *Proceedings of the Tenth conference on International Language Resources and Evaluation (LREC'16)*. Portoroz, Slovenia: ELRA, pp. 22–26.

Kibrik, A. A., Korotaev, N. A., Podlesskaya V. I. (2020) Russian spoken discourse: Local structure and prosody. In: S. Izre'el, H. Mello, A. Panunzi, and T. Raso (eds.) *In search of basic units of spoken language: A corpus-driven approach*. John Benjamins Publishing Company, pp. 35–76.

MacWhinney, B., Fromm, D., Forbes, M., Holland, A. (2011) AphasiaBank: Methods for studying discourse, *Aphasiology* 25, 1286–1307.

Robb, M. P., Maclagan, M. A., Chen, Y. (2004) Speaking rates of American and New Zealand varieties of English, *Clinical Linguistics & Phonetics* 18(1), 1–15.

Scherer, K. R. (1995) Expression of emotion in voice and music, *Journal of Voice* 9(3), 235–248.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСКРИБИРОВАНИЯ РЕЧИ ЛЮДЕЙ С ЗАИКАНИЕМ

Е. А. Красавина, О. В. Федорова

*МГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

krasa_vinaekaterina@mail.ru, olga.fedorova@msu.ru

Насколько мне известно, Е. А. Гришина никогда не занималась непосредственно исследованием речи людей с заиканием. Но несколько раз (самый памятный из них произошел на конференции «Диалог» в июне 2013 года) мы с ней обсуждали мои эксперименты с танграммами – фигурками из китайской головоломки, в том числе и особенности транскрибирования диалогической речи. Надеюсь, продолжение и расширение подобных исследований было бы ей тоже интересно – О.Ф.

Заиканием обычно называют нарушение темпоритмической организации речи (=расстройство беглости речи), обусловленное судорожным состоянием мышц речевого аппарата. Лингвистический анализ речи заикающихся людей – важная часть современной нейролингвистической науки. Для полноценного анализа устного дискурса людей с заиканием необходимо создание особой системы транскрибирования, учитывающей специфические для речи людей с заиканием явления.

В данном докладе рассмотрены некоторые из этих явлений и предложен пилотный вариант дискурсивной транскрипции, позволяющей фиксировать особенности, релевантные для речи людей с заиканием. Предложенная система, во-первых, дополняет ряд уже имеющихся условных обозначений дискурсивной транскрипции; во-вторых, разработка этой системы позволяет осмыслить характеристики речи людей с заиканием, отличающие ее от речи людей без нарушения беглости речи.

Несмотря на то, что количество нарушений речи остается наиболее прямым показателем степени заикания, речь человека с заиканием имеет как количественные, так и качественные отличительные признаки [Ambrose, Yairi 1999]. В ряде работ отмечаются такие показатели, как продолжительность пауз между

единицами повторения (у людей с заиканием продолжительность паузы между единицами повторения короче, чем пауза между аналогичными единицами повтора у нормы при речевых сбоях, [Throneburg 1994]), более низкие пиковые скорости и меньшие максимальные смещения артикуляционных движений у заикающихся по сравнению с не заикающимися [Jancke 1997], повышенная активация в двигательных зонах головного мозга во время имитируемого заикания и повышенная активация в слуховой коре при задании на растягивание слов (в группе заикающихся, но не в группе нормы, [Nil 2008]). Также большинство исследований, посвященных характерным нарушениям в речи людей, которые заикаются, предполагает нетипичные или отсутствующие переходы F2 [Hardcastle, Tjaden 2008]. Вторая форманта на шкале частот соотносится с артикуляционным признаком ряда, т. е. чем ниже расположена вторая форманта, тем более задним является гласный, и наоборот. Так, на динамике второй форманты наиболее заметно прослеживаются коартикуляционные эффекты, поскольку частота F2 напрямую зависит от места сужения в речевом тракте. Таким образом, выделенные дифференциальные черты являются основанием для разработки особой системы транскрибирования речи людей с заиканием.

При разработке транскрипции необходимо учитывать отличительные характеристики речи заикающихся, а именно: повторы звуков, слогов, слов, словосочетаний и количество этих повторений, артикуляционные блоки, пролонгации.

В качестве материала для данного исследования использовались записи испытуемых при прохождении эксперимента, основанного на методе референциальной коммуникации «Танграммы», впервые представленном в работе [Clark, Wilkes-Gibbs 1986].

За основу разметки, разрабатываемой для речи людей с заиканием, приняты обозначения, используемые в упрощенной транскрипции А. А. Кибрика и В. И. Подлесской в корпусе звучащей речи [Кибрик, Подлесская (ред.) 2009].

Для выделяемых явлений предлагается рассмотреть следующие новые обозначения: для блоков ввести обозначение «[?]», для повторов — ‘х--х’, для пролонгаций — ‘х::х’. Важно замечать все особенности,

которые могут обуславливаться судорожностью речевого аппарата, поэтому необходимо добавить обозначения наличия придыхания и продолжительностей пауз, используемых при аннотировании. Чтобы зафиксировать длительность произнесения повторяемого фрагмента или пролонгированного звука, мы воспользовались записью в скобках после рассматриваемого слова, аналогично транскрипции, взятой за основу в [Кибрик, Подлеская (ред.) 2009], см. примеры 1–4 ниже.

При транскрибировании речи людей с заиканием возникает много спорных и сложноинтерпретируемых случаев, в том числе:

- Наиболее точным показателем, служащим при разграничении повторов, которые возникают как нормальное нарушение плавности речи, от повторов при заикании, является количественный показатель (см. примеры 1 и 4).
- Речевой блок при заикании ([?]) обычно включает в себя долгое, напряженное артикуляционное замыкание (чаще всего на взрывных согласных), см. примеры 3 и 4. В ряде исследований, например, в аннотировании мультиканального корпуса, данный символ используется для обозначения гортанной смычки, наряду со знаком ‘%’, рассмотренном в [Du Vois et al. 1992].
- Пролонгация определяется как несоответствующая длительность фонемы или элемента дифтонга, которая может сопровождаться или не сопровождаться качественными характеристиками, такими как изменение высоты тона и повышенное слышимое напряжение, см. пример 2. Следует отличать удлинения, используемые в качестве обычных речевых стратегий в процессе общения, от пролонгаций, используемых людьми с заиканием. Для пролонгации мы предлагаем обозначение «:», «аналогично «:», которое используется как удлинение звуков в зарубежных работах (например, в [Michaels, Collins 1983] и [Jefferson 2004]), но так как в существующем наборе обозначений корпуса звучащей речи данный знак используется в качестве незавершенности, восполняемой последующим контекстом, этот символ удваивается.

(1) /Здесь изображена …(.61) /женщина в кокошнике, {ЦОКАНЬЕ} которая держит ээ(.36) …(.59) **к--к--к--к--к--каравай**(2.51) или что-то подобное.

(2) Я /вижу …(1.06) эээ(.78) …(1.56) /**мо::ол::лящегося** человека с откинутым капюшоном, …(.57) пускай это будет /аббат …(.75) в католической церкви 15 века.

(3) /Человек, …(.75) которому вручили /диплом, …(.14) сел на /скамейку и-и …(.16) читает его, …(.15) держит в /ладонях …(.76) \[?]перед собой, …(.78) \горизонтально.

(4) эээ(.52) \Так. …(.37) **То[?]от** же самый /человек …(.34) смотрит в свой /диплом, но теперь он сидит не на /скамейке, а-а …(1.14) /согнув /ноги в /**к--к--коленях** под сорок пять градусов.

В примере (1) представлены повторы, в (2) — пролонгации, в (3) — блоки, в (4) — блок и повторы, рассматриваемые явления выделены полужирным шрифтом.

Литература

Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.) (2009). Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур. (Корпуса звучащей речи. Доступны по адресу: <http://spokencorpora.ru/>).

Мультиканальный корпус русского языка. Доступен по адресу: <https://multidiscourse.ru/>

Ambrose N. G., Yairi E. (1999). Normative disfluency data for early childhood stuttering. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 42(4), 895–909.

Clark H. H., Wilkes-Gibbs D. (1986). Referring as a collaborative process. *Cognition*, 22(1), 1–39.

De Nil L. F. et al. (2008). The effects of simulated stuttering and prolonged speech on the neural activation patterns of stuttering and nonstuttering adults. *Brain Lang*, 107, 114–123.

Du Bois J. et al. (1992). *Discourse transcription* (p. 48). Santa Barbara, California: Santa Barbara papers in linguistics.

Hardcastle B., Tjaden K. (2008). Coarticulation and Speech Impairment. In Ball M. J., Perkins M. R., Muller N., Howard S. (Eds.), *The Handbook of Clinical Linguistics* (pp. 506–524). Blackwell Publishing Ltd.

Jancke L. et al. (1997). Timing and stiffness in speech motor control of stuttering and nonstuttering adults. *Journal of Fluency Disorders*, 22(4), 309-321.

Jefferson G. (2004). Glossary of transcript symbols with an introduction. In Lerner G. (Ed.), *Conversation Analysis: Studies from the first generation* (pp. 13-31). Amsterdam: Benjamins.

Michaels S., Collins J. (1983). Oral Discourse Style: Classroom Interaction and the Acquisition of Literacy. In Tannen D. (Ed.), *Coherence in Spoken and Written Discourse*. Norwood, N.J.: Ablex.

Throneburg R. N., Yairi E., Paden E. P. (1994). Relation between phonologic difficulty and the occurrence of disfluencies in the early stages of stuttering. *Journal of Speech and Hearing Research*, 37, 504–509.

АДАПТАЦИЯ АННОТАЦИОННОЙ СХЕМЫ ДЛЯ ОПИСАНИЯ ЖЕСТИКУЛЯЦИИ ПРИ АФАЗИИ *

Ю. В. Николаева

*МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)
julianikk@gmail.com*

Афазия — «системное нарушение сформировавшейся речи. Возникает при органических поражениях речевых отделов коры головного мозга в результате перенесенных травм, опухолей, воспалительных процессов и при некоторых психических заболеваниях» [Щербакова 2016]. Разные степени тяжести болезни связаны с разной степенью речевых трудностей, начиная с полной потери речи. В настоящей работе рассматриваются пациенты с умеренной и легкой афазией.

Цель данной работы — оценить, насколько существующие системы описания жестикуляции могут быть применимы для анализа мультимодальной коммуникации у говорящих с речевыми нарушениями. Для этого были использованы 3 монолога с пересказами «Фильма о грушах» пациентами с эфферентной афазией и 4 — с сенсорной из корпуса CliPS [Clinical Pear Stories, Khudyakova et al. 2016]. Общая продолжительность изученных в рамках данной работы записей — 23 мин 20 сек.

Исследования жестикуляции при афазии

Жестикуляция пациентов с афазией зависит от типа и тяжести нарушения, но некоторые исследователи выделяют общие черты для всех типов афазий. Секин и Роуз (2013) показали, что люди с афазией Брока выполняют более знаковые жесты, чем люди с афазией Вернике, которые производят более абстрактные жесты, такие как биты и метафорические жесты. Де Бир и др. (2020) обнаружили, что люди с афазией обычно используют знаковые жесты в нарративе, чтобы компенсировать речевые затруднения.

В работе [Fergé 2022] подробно исследуются разные типы жестов при афазии. Так, при всех типах афазий можно наблюдать больше жестов, связанных с поиском слов, и больше жестовых фальстартов.

Согласно данным Ферре, у пациентов с беглой афазией самая большая доля указательных жестов и жестов, связанных с поиском слова, и меньше всего иконических (по сравнению со здоровыми и с небеглой афазией). В то же время битов и жестовых фальстартов меньше, а указаний на структуру дискурса больше, чем при остальных типах афазий.

При афазии Брока, как считается, жесты выполняют важную роль, помогая говорящему передавать информацию в дополнение к речи. Ферре, однако, показывает, что при афазии Брока наблюдается преобладание фальстартов и жестов поиска слова, а также битов по сравнению с нормой, и уменьшение доли иконических жестов, однако эти тенденции общие для пациентов с афазией. Отличительной особенностью афазии Брока в жестикуляции является большое количество эмблематических жестов.

Таким образом, исходя из опыта аннотации жестов при афазии, описанного в [Ferré 2022], имеет смысл при разметке выделять как отдельный тип жесты поиска слова и жесты структуры дискурса.

В работе [Кшняскина и др. 2018] при описании жестикуляции пациентов с моторной афазией была использована аннотационная схема, предложенная в [Litvinenko et al. 2018], однако, по всей видимости, эта схема требует адаптации для более адекватного описания жестикуляции при речевых нарушениях.

Предложения по модификации схемы разметки для исследований нарушений речи

Вероятно, имеет смысл пересмотреть список функций жеста, чтобы включить в него указания на структуру дискурса, информацию о когнитивном состоянии говорящего (например, затруднения при поиске слова) и взаимодействие с адресатом как отдельные функции. С другой стороны, нечеткая форма жестов, неоднозначная структура жеста (иногда вспомогательные фазы, а именно подготовка и ретракция, включают дополнительные движения, которые выглядят как очень короткий жест), не всегда прозрачная семантическая связь жестов и слов, рассинхронизация жестикуляции и речи по времени и частые фальстарты затрудняют определение даже тех 4 типов, которые уже есть. Возможно, решением будет перечисление возможных типов,

к которым можно отнести данный жест (ср. [McNeill 2005; Iriskhanova, Cienki 2018]).

Помимо этого, может быть полезно различать однократные биты и ритмические жесты (в частности, наложенные на другие жесты).

В дополнение к функциональным типам жестов имеет смысл отмечать еще два параметра: синхронизация с речью и четкость артикуляции жеста. Первый важен для случаев, когда жест не синхронизирован с речью (например, появился во время паузы между ЭДЕ), однако есть основания полагать, что движение руки связано с содержанием слов или несет некоторую дополнительную информацию. В норме (у здоровых рассказчиков) рассинхронизация речи и жестов встречается чрезвычайно редко (например, у слушающих, когда они не хотят перебивать говорящего, но тем не менее хотят принять участие в разговоре) и служит надежным основанием для разграничения жестов и адаптеров. Четкость артикуляции — еще один важный признак для разграничения жестов и некоммункативных движений, который заслуживает отдельного внимания при изучении речи афатиков.

Помимо изменений в описании функций жестов, я считаю важным дополнить список анализируемых каналов. Так, биты могут быть выполнены головой и при этом, по всей видимости, выполняют ту же функцию (предположительно, фасилитации речепроизводства), что и мануальные жестовые ударения.

Помимо битов, среди движений головы имеет смысл обращать внимание на указательные жесты (они обычно достаточно четко артикулированы и достаточно продолжительны по времени).

Согласно данным [Ferré 2015], у пациентов с беглой афазией самая большая доля указательных и жестов поиска слова, и меньше всего иконических по сравнению со здоровыми и с небеглой афазией. Однако в изученных мной материалах это противопоставление оказалось менее очевидным. У пациентов с сенсорной афазией встретилось довольно много указательных жестов головы, также среди движения головы было много изобразительных жестов, когда рассказчик показывал взаимное расположение героев, направление и траекторию движения. Что касается пациентов с эфферентной афазией, их указательные жесты были мануальными, но заметно отличались от жестов здоровых рассказчиков: часто появлялись без речи, в нижней части жестового пространства, отличались небольшой амплитудой.

Жесты поиска слова также могут быть встречены в других каналах: отведение взгляда или поворот головы в сторону и вниз могут указывать на речевые затруднения в совокупности с другими каналами. Отрицательное покачивание головой также может быть маркером речевых трудностей.

Наконец, запрос реакции у адресата (к примеру, взгляд на адресата в конце фразы или при речевом сбое) тоже может быть важным параметром при описании коммуникации при афазии. Здесь надо отметить, однако, что направление взгляда как средство управления коммуникацией и прагматический жест еще недостаточно изучено. Некоторые случаи представляются очевидными, но иногда описать функцию направления взгляда сложнее.

Также могут быть информативны немануальные кинетические маркеры речевых сбоев, такие как мимические движения (нахмуренные брови; закрытые на продолжительное время — 0.7 сек — глаза) или относительно большие по амплитуде и скорости адаптеры.

Одна из гипотез при разметке жестов касалась большей роли пантомимы у афатиков, однако доля случаев, когда рассказчики показывали действия персонажа всем телом, оказалось примерно такой же, как у здоровых рассказчиков.

Выводы

Вероятно, имеет смысл использовать многомерную классификацию жестов и дополнить ее такими признаками, как синхронизация жеста с речью и четкость артикуляции жеста.

Расширение списка каналов для аннотации поможет адекватнее описать поведение говорящего. Так, биты и указательные жесты головы, во-первых, легко идентифицировать, во-вторых, они очевидным образом важны в диалоге и помогают участникам получить более целостное представление о ситуации.

Учитывая, что иногда жесты рассказчиков с афазией бывают нечеткой формы и структуры, возникает опасность, что у разметчиков будет недостаточно формальных признаков для однозначного описания функциональных и формальных признаков жеста. Возможно, разработка более четких инструкций при накоплении данных об особенностях жестикуляции при разных типах афазий и о различиях

между говорящими и между жестами одного говорящего позволят уменьшить влияние субъективных интерпретаций.

Литература

Ferré G. Gesture profile of fluent and non-fluent people with aphasia, Corela [En ligne], 20-1, 2022.

de Beer, C., Hogrefe, K., Hielscher-Fastabend, M., de Ruiter, J.P., Evaluating Models of Gesture and Speech Production for People With Aphasia. *Cognitive Science*. Vol. 44, no. 9, 2020.

Щербакoвa М. М. Методика скрининг-обследования больных с афазией. *Молодой ученый*, 2 (2016): 411-414.

Khudyakova M., Bergelson M., Akinina Y., Iskra E., Toldova S., Dragoy O. «Russian CliPS: a corpus of narratives by brain-damaged individuals.» Workshop Title Resources and Processing of Linguistic and Extra-Linguistic Data from People with Various Forms of Cognitive/Psychiatric Impairments (RaPID-2016). 2016.

Sekine K., Rose M.L. The Relationship of Aphasia Type and Gesture Production in People With Aphasia. *American Journal of Speech-Language Pathology* 22(4), 662-672, 2013.

Кшняскина В. В., Худякова М. В., Драгой О. В. Роль жестикуляции в преодолении трудностей лексического доступа у пациентов с моторной афазией. *Вопросы языкознания* 1 (2018): 64-75.

Litvinenko A. O., Kibrik A. A., Fedorova O. V., Nikolaeva J. V. Annotating hand movements in multichannel discourse: Gestures, adaptors and manual postures // *Российский журнал когнитивной науки* 5(2). 4–17, 2018.

McNeill D. *Gesture and thought*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2005.

Irishkanova O. K., Cienki A. The semiotics of gestures in cognitive linguistics: contribution and challenges. *Вопросы когнитивной лингвистики* №4, 25-36, 2018.

* Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

АВТОРСКАЯ РЕМАРКА СЛЕВА, СПРАВА И ВНУТРИ ПРЯМОЙ ЦИТАТЫ – ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ МУРКО

В. И. Подлеская

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

vi_podlesskaya@iling-ran.ru

«Никто, никто, — сказал он,
Намылив руки мылом.—
Никто, никто, — сказал он,
Съезжая по перилам.—
Никто не скажет, будто я
Тиран и сумасброд,
За то, что к чаю я люблю
Хороший бутерброд!»

Александр Алан Милн.

Перевод Самуила Маршака.

Предметом настоящего исследования являются конструкции с цитатой в формате прямой речи. Если цитационные конструкции с цитатой в формате косвенной речи довольно хорошо встраиваются в общую типологию полипредикации, представляя собой подкласс конструкций с сентенциальными актантами, то статус высказываний с прямой речью вызывает серьезные затруднения. Недаром исследователи, работающие в самых разных теоретических парадигмах, предлагают выделять эти конструкции в самостоятельный структурный класс вне стандартного деления на сочинение и подчинение: так в [Mel'čuk, Iordanskaja 1981/1995] вводится особое синтаксическое отношение между вводящим глаголом и цитатой: авторы именуют такое отношение кватативным; сходным образом – хотя и на совершенно иных теоретических основаниях – в [Spronck, Nikitina 2019] связь между авторской ремаркой и цитатой квалифицируется как принадлежащая «особой синтаксической зоне» (*dedicated syntactic domain*). На материале мультимедийного

подкорпуса (МУРКО), с привлечением также данных устного и основного подкорпусов НКРЯ мы попытаемся обосновать следующие положения:

1. Для адекватной оценки статуса цитационной конструкции необходимо принимать во внимание не только ее грамматические и прагматические свойства, но и ее просодическую организацию.

2. Противопоставление прямого и косвенного формата цитаты – особенно в устной речи – не является жестким: цитационные конструкции массово демонстрируют смешение прямого и косвенного форматов по грамматическим, прагматическим и просодическим параметрам.

3. Свойства цитационной конструкции по-разному проявляются в зависимости от расположения цитаты относительно авторской ремарки: конструкции с препозицией, постпозицией и интерпозицией авторской ремарки ведут себя по-разному.

4. Данные русского языка позволяют утверждать, что конструкции, в которых чужая речь встраивается в текущий нарратив таким образом, что цитата сохраняет прагматическую (в том числе, иллюкутивную и дейктическую) автономность, заслуживают отдельной «ячейки» в общей типологии полипредикативных конструкций.

Особое внимание будет уделено грамматике, прагматике и просодии конструкций с интерпозицией авторской ремарки, т.е. таким, где цитата разрывается авторской ремаркой – они пока значительно реже попадают в поле зрения исследователей, чем конструкции с неразрывной цитатой. Мы обсудим следующие вопросы: в каком месте цитаты она может быть разорвана авторской ремаркой? какими просодическими средствами может маркироваться этот разрыв? Какие грамматические ограничения накладываются на авторскую ремарку, если она помещается в интерпозицию? Ответы на эти вопросы, как мы надеемся, позволят уточнить положение конструкций с чужой речью в общем пространстве полипредикации.

Литература

Melčuk I. A., Iordanskaja L. N. (1981/1995) On a class of Russian verbs that can introduce direct speech: lexical polysemy or semantic syntax? (constructions of the type “*Ostav’te menja*” – *ispugalsja bufetčik*) // P. Jacobsen and H. Krag (eds.), *The Slavic Verb*, Copenhagen, Rosenkilde and Bagger, 1981, pp.51-66 / Мельчук И. А. *Русский язык в модели «Смысл-Текст»*, Москва-Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 215-231.

Spronck Stef, Nikitina Tatiana. (2019) Reported speech forms a dedicated syntactic domain // *Linguistic Typology*. 23 (1), 119—159.

УСТНАЯ РЕЧЬ В СОСТАВЕ НКРЯ: ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ УСТНОГО КОРПУСА

С. О. Савчук

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
savsvetlana@mail.ru*

Устная речь в настоящее время представлена в составе НКРЯ в трех корпусах, при этом каждый нацелен на решение специфических задач: а) устный корпус; б) акцентологический корпус; в) мультимедийный корпус. Устный корпус как самостоятельный под названием «Корпус живой русской речи» появился в составе НКРЯ в 2006 году при поддержке гранта Министерства образования. Его предшественником был подкорпус устной речи, первым куратором которого была Е.А. Гришина.

При обсуждении проекта устного модуля двадцать лет назад мы учитывали опыт представления устной речи в больших корпусах (в начале 2000-х годов это были прежде всего Британский, Чешский, Словацкий, Польский). Обсуждение было коллективным, но практическую разработку подкорпуса взяла на себя именно Е. А. Гришина. Она сформулировала концепцию корпуса, первоначальный состав, архитектуру, принципы метатекстовой, социологической разметки, обосновала орфографический способ представления текстов, предложила термины, которые используются до сих пор [Гришина 2005]. Пригодился ее редакторский и издательский опыт — издание научных работ и хрестоматий устной речи (например, [Китайгородская, Розанова 1995; 1999], [Капанадзе 2005]), в процессе которого обсуждались многие содержательные вопросы, а также работа в фонде «Общественное мнение», в котором она занималась редактированием транскриптов записей опросов и бесед, наблюдала работу в фокус-группах, познакомилась с принципами формирования репрезентативных по социологическим параметрам групп говорящих. Так что способ разметки реплик в устных корпусах имеет научное обоснование, принятое в социологии.

Задачей первого этапа формирования корпуса было накопление материала. Поэтому было принято решение включить в устный корпус не только записи устной речи, собранные в процессе выполнения проекта (сейчас они имеют помету «из коллекции НКРЯ»), но и обратиться с предложением ко всем специалистам, занимающимся устной разговорной речью, поделиться своими коллекциями. Так появились коллекции из отдела фонетики ИРЯ им. В. В. Виноградова, Саратова, Санкт-Петербурга, Ульяновска, позднее из Владивостока, Казахстана, Баку, Воронежа.

Мы бесконечно благодарны Е. А. Земской, О. А. Лаптевой, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой, М. Л. Каленчук, О. Б. Сиротининой, А. С. Герду, М. В. Русаковой, Е. Ю. Протасовой, Н. В. Богдановой-Бегларян, С. Б. Степановой, М. Д. Воейковой, Т. И. Петровой, И. Б. Качинской, С. М. Треблер и многим другим за предоставленные материалы, а часто и за их подготовку по технологии корпуса.

Сбор собственных актуальных материалов велся по двум направлениям: непубличной и публичной речи. В сборе непубличной спонтанной речи активное участие принимали и до сих пор принимают студенты-практиканты московских вузов (МГУ им. М. В. Ломоносова, РГГУ, ВШЭ, МГОУ). Инструкции по сбору и расшифровке материалов разработала Е. А. Гришина, а опробовала и дополнила Н. В. Сердобольская, которая многие годы заведовала студенческой практикой. Е. А. Гришина занималась обработкой материала, редактированием транскриптов, разработала идею рабочего места разметчика, которая была реализована программистами в нескольких вариантах (А. Е. Поляков, Л. Д. Алексеевский).

Следующим шагом к более точному представлению устной речи в НКРЯ стало создание акцентологического корпуса, концепция которого также принадлежит Е. А. Гришиной [Гришина 2009]. Акцентологический корпус дает сведения о таком аспекте устной речи, как словесное ударение. Корпус состоит из трех зон. 1) Прозаическая зона составляет 8,8 млн словоупотреблений и включает транскрипты записей устной речи, в которых расставлены ударения в соответствии с реальным произношением. 2) Поэтическая зона содержит тексты, в которых размечены слоги, на которые может падать ударение, при

этом точное место ударения в слове может быть вычислено по специальным правилам. 3) Зона наивной поэзии включает поэтические тексты непрофессиональных авторов, ударения в которых размечены автоматически с помощью программы-акцентуатора. Его объем составляет около 112 млн словоупотреблений.

Тексты устного корпуса и прозаической части акцентологического корпуса рассматриваются как единый массив, доступ к которому возможен из интерфейса как устного, так и акцентологического корпуса. Остроумная идея поиска в обоих корпусах принадлежит тоже Е. А. Гришиной. В корпусе богато представлены разные сферы бытования устного слова: устная научная речь, устная официальная речь, теле- и радиопублицистика, радио- и телереклама, церковная проповедь, речь кино и театра, устное художественное слово. Наряду с текстами, рассчитанными на публичную аудиторию, есть записи, отражающие общение в небольших группах (тренинги, семинары, экскурсии, заседания, совещания, беседы и под.), а также личное, непубличное общение.

Мультимедийный корпус (МУРКО) дает наиболее полное представление об устной коммуникации и позволяет изучать фонетическую сторону речи, поскольку для онлайн-поиска доступен и транскрипт, и сопровождающий его аудио- или видеоклип. Объем корпуса приближается к 5,8 млн словоупотреблений. По составу текстов МУРКО частично пересекается с акцентологическим корпусом, но отличается способом представления материала. Занимаясь практической работой по конструированию корпусов, Е. А. Гришина исследовала возможности нового инструмента на материале устных текстов и написала много интересных работ, собранных в [Гришина 2012].

Таким образом, устная речь НКРЯ составляет довольно большой по объему (около 14 млн словоупотреблений) и представительный корпус текстов. Количественное распределение текстов по основным категориям (сферы коммуникации, типы и тематика текстов, география записи) будет представлено в докладе. В настоящее время проводится исследование корпуса по составу говорящих. Анализ базы данных позволит нам получить представление о количественном составе

говорящих в каждом из корпусов и качественном распределении говорящих по полу, по дате рождения, по возрасту в пределах каждой поколенческой когорты, по профессии и роду занятий. В дальнейшем, после проведенного анализа и коррекции планируется создать объединенную базу данных дикторов с уникальным индексом для каждого из них, что позволит сделать поиск по социологическим параметрам более точным и полным.

Литература

Гришина Е. А. Устная речь в Национальном корпусе русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005, 94—110.

Гришина Е. А. Корпус «История русского ударения» // Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009, 150—174.

Гришина Е. А., Савчук С. О. Корпус устных текстов в Национальном корпусе русского языка: состав и структура // Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы. СПб, 2009. С. 129—149.

Гришина Е. А. Слово и жест: корпусные исследования устной речи. Сб. статей. LAP Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, 2012.

Капанадзе Л. А. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. М.: Инт рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2005.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. М., 1995.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

РУКА И ЖЕСТ В ТЕКСТАХ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

lara.shestakova@mail.ru, an_kuleva@mail.ru

Продолжая тему, поднятую в более раннем докладе [Шестакова, Кулева 2023], хотелось бы подробнее остановиться на отражении русской жестикуляции в поэтическом языке на материале «Словаря языка русской поэзии XX века» [СЯРП] в сопоставлении с корпусными данными.

Анализ поэтических текстов в выбранном аспекте базируется на авторитетных лингвистических исследованиях по русской жестикуляции [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001; Крейдлин 2002; Гришина 2012; 2013; 2017].

Как показывает материал поэтического языка, само слово *жест* весьма значимо в поэтическом тексте: оно употребляется в сильных текстовых позициях (например, в заглавии, в позиции рифмы / конца строки), включается как в рифменные созвучия, так и в аллитерации, метафорически переосмыляется. Важно, что слово *жест* может функционировать как в более общем, абстрагированном понимании, так и в описаниях конкретных жестов.

Хотя в лингвистических исследованиях подчеркивается, что в создании жестов могут принимать участие разные части тела человека (голова, корпус) [Гришина 2012; 2013], «прототипическим» жестом остается **жест, совершаемый рукой**, что находит отражение и в словарных толкованиях [БАС, т. 5, т. 24], ср. [СШ].

В связи с этим кажется перспективным рассмотреть функционирование в поэтическом языке самого слова *рука*.

Если слово *жест*, как более специальное, в поэтическом языке не относится к высокочастотным (около 40 контекстов в «Словаре языка русской поэзии XX века» [СЯРП] и около 460 в поэтическом корпусе [НКРЯ]), то *рука* входит в лексическое ядро.

Словарная статья **РУКА** включена в т. VII СЯРП (2017) и содержит 1500 поэтических контекстов. Напомним, что многотомный СЯРП создается по произведениям десяти видных поэтов Серебряного века (И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой). В поэтическом корпусе [НКРЯ] находим 17 968 текстов, 28 120 примеров со словом *рука*; если ограничить поиск авторами того же, что и в СЯРП, временного отрезка (пользовательский подкорпус: год рождения авторов – с 1855 по 1905 г.) – 8510 документов, 11 981 вхождений. Такие данные, безусловно, подтверждают значимую роль этой лексемы в поэтическом языке, но в докладе мы ограничимся данными СЯРП.

В Словаре лексема *рука* формирует обширное словообразовательное гнездо (*рукав, рукавица, рукавный, руки-грабли, руководить, рукоделье, рукомойник, рукопашный, рукопись, рукоять* и др.). Часть единиц этого гнезда также имеет связь с жестом, прямую или опосредованную, причем эти единицы могут быть как общезыковыми, так и специфичными для поэтического языка, ср.:

РУКОПЛЕСК [*нов.*], **РУКОПЛЕСКАНИЕ**, **РУКОПЛЕСКАНЬЕ** [*вар. к РУКОПЛЕСКАНИЕ*], **РУКОПЛЕСКАТЬ** [*повел. рукоплещь Хл911-13*], **РУКОПЛЕЩА**, **РУКОПЛЕЩУЩИЙ**; **РУКОПОЖАТИЕ**, **РУКОПОЖАТЬЕ** [*вар. к РУКОПОЖАТИЕ*]; **РУКОПОЛОЖЕНЬЕ**.

Зона значения базовой лексемы среди многочисленных устойчивых сочетаний содержит и такие, которые описывают жесты – в прямом смысле и в переносном, ср.:

РУКА [...; *тж* в сочет.: р. в руку, р. об руку, р. с рукой, кто-л. кому-л. р., (не) с руки, какой-л. руки что-л., не по руке что-л. кому-л., читать по руке, руку о (об) руку, под руку, дать руку, предложить руку, приложить руку к чему-л., протянуть руку кому-л., руку на сердце положить, на руку кому-л., рукой махнуть на что-л., рукою подать, как рукой сняло, что-л. водит чьей-л. рукой; руки вверх, руки в боки, руки по швам, руки прочь, руки марать чем-л., ломать руки, заламывать руки, сидеть сложа руки, наложить руки на себя, взять себя в руки, (не) даваться в руки, отдать что-л. в чужие руки, охулки на руки не класть

(устар.), из рук в руки, валиться из рук, отбиться от рук, по рукам, по рукам и по ногам, прибраться к рукам, ходить по рукам, пойти по рукам, голой рукой (голыми руками), с пустыми руками, чужими руками жар грести, носить на руках, дело кипит в руках у кого-л.].

Как было сказано, словарная статья включает 1500 поэтических контекстов, всего более 1800 словоупотреблений.

Употребительность разных грамматических форм в целом предсказуема – она соответствует как частотности форм в языке, так и их версификационному потенциалу: преобладают формы И.п. и более короткие формы косвенных падежей. Самые частотные: *руки* (Р.ед. и И.мн.) – 598 словоформ; *рук* (Р.мн.) – 246, *руку* (В.ед.) – 217; самая редкая: *рукам* (Д.мн.) – 16. Формы с инструментальным значением Т.ед. и Т.мн., которые могут представлять особый интерес в жестикуляционном аспекте, достаточно употребительны: *рукой* – 189, *рукою* – 88, *руками* – 67.

Рассмотрим некоторые примеры.

Слово *рука* может непосредственно входить в описание жеста, чаще всего это указательные жесты, ситуация рукопожатия и т. п.:

Я всех благодарил за слово утешенья И руки жал, и пела мысль в крови; Протянув больную руку, Сладко юным погрозить. Сладко гладить кудри внуку, О минувшем говорить (Блок); *Дай мне руку, пугливая детка! // Я с тобою, твой рыцарь и друг, Ты тихонько дрожишь почему-то. Не ломай своих рук, А плащом их теплее закутай. <...> Здесь сгоришь на болотном огне! Беззащитные руки ломая, Ты напомнила мне Ту царевну из дальнего мая; Тот самый дом. // Многоэтажный, с видом скуки... Считаю окна, вот подъезд. Невольным жестом ищут руки На шее – крест* (Цветаева); *А одна, как снег, бела, В шуме, свисте, гаме Снова павой поплыла, Поводя боками. // Помавая головой И рукою правой, В плясовой по мостовой, Павой, павой, павой* (Пастернак).

В поэтическом тексте особенно важны жесты, имеющие символическое значение:

Сердце, слышишь Легкий шаг За собой? // Сердце, видишь: Кто-то подал знак, Тайный знак рукой? (Блок); *Вводится Девица в храм по ступеням. // В митре рогатой седой иерей Деву встречает, поднимя*

свои руки, Бренный свидетель нетленной поруки, В митре рогатой седой иерей (Кузмин); *Мы, воины, строго ударим Рукой по суровым щитам: Да будет народ государем, Всегда, навсегда, здесь и там!* (Хлебников).

Более интересны случаи, когда описываемый жест приобретает в стихах особую смысловую нагрузку, выступает в образном контексте:

Утро роскошно проснулось над лугом, Милый [соловей] явился на страстные звуки... Бедная, нежная сердцем подруга [роза] К небу простерла колючие руки... Тихо сказала: «Прости», угасая... (Блок); Но в праздности моей рассеяны мгновенья, Когда мучительно душе прикосновенье, И я дрожу средь вас, дрожу за свой покой, Как спичку на ветру загорюдиw рукой... (Анненский); Кудрявый сумрак за горой Рукою машет белоснежной (Есенин); Но что это, Боже? Не бьется ль тише? Со страхом к сердцу прижалась рука... Плотник, ведь ты не достроил крыши, Не посадил на нее конька! (Кузмин); О, если б был я / тихий, / как гром, – / ныл бы, / дрожью объял бы земли одряхлевший скит. / Я / если всей его мощью / выреву голос огромный – / кометы заломят горящие руки, / бросятся вниз с тоски (Маяковский); Мне голос был. Он звал утешно, Он говорил: «Иди сюда, Оставь свой край глухой и грешный, Оставь Россию навсегда. Я кровью от рук твоих отмую, Из сердца выну черный стыд, Я новым именем покрою Боль поражений и обид». // Но равнодушно и спокойно Руками я замкнула слух, Чтоб этой речью недостойной Не осквернился скорбный дух (Ахматова).

Отдельную группу употреблений составляют примеры функционирования слова *рука* в общеязыковых метафорах, где непосредственное значение жеста в большей или меньшей степени стерто (*махнуть рукой на что-л., протянуть руку (помощи)* и др.). Такие случаи заслуживают специального рассмотрения.

В докладе эти и другие примеры из русской поэзии будут проанализированы подробно.

Ключевые слова: жест, Серебряный век, словарь поэтического языка, НКРЯ.

Литература

БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 5 / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М., 2006; Т. 24 / Гл. ред. А. С. Герд. М.; СПб., 2017.

Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М.; Вена, 2001.

Гришина Е. А. Указания рукой как система (по данным Мультимедийного русского корпуса) // Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 3–50.

Гришина Е. А. Указания головой как система // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 90–130.

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М., 2017.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М., 2002.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 10.01.2024).

Слово и жест в литературе: сб. науч. тр. / С. Вайман (гл. ред.). Воронеж, 1983.

СШ – Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007.

СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I– / Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. М., 2001–.

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Слово жест в поэтическом дискурсе // «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2023 г. Материалы конференции / Отв. ред. С. О. Савчук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2023. С. 67–70.

ОБ ОДНОЙ ИЗ ПРОСОДИЙ ПЕРЕСПРОСА

Т. Е. Янко

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

tanya_yanko@list.ru

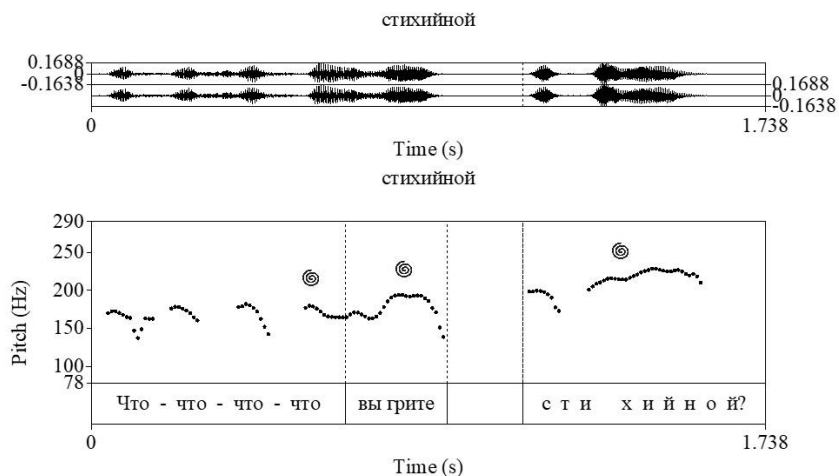
Рассматривается переспрос типа *Что-что-что?*, который говорящий задает в ситуации, если он не расслышал слов предыдущего говорящего. Такой переспрос отличается от других типов переспроса тем, что соотносится исключительно с планом выражения речи предыдущего говорящего. О типах переспроса как к плану выражения, так и к плану содержания см. [Кобозева 2020; Sudo 2011] и также цитируемую в этих работах литературу.

Находясь на периферии набора иллокутивных сил в системе языка, переспрос представляет собой не только богатый разнообразием элементов плана содержания, но и уникальной спецификой плана выражения феномен языка.

В докладе демонстрируется, что при достаточном сегментном материале переспрос типа *Что-что-что?* реализует не изученную, насколько нам известно, на русском материале просодическую стратегию, при которой каждое фонетическое слово предложения реализуется со средней частотой, превышающей среднюю частоту предыдущего фонетического слова в линейной цепочке. Для такой просодической стратегии мы используем термин *upstep* [Pierrehumbert 1980]. *Upstep* в переспросе сопровождается убыстрением артикуляции, или скороговоркой.

Пример просодической модели *upstep* представлен в предложении (1):

(1) *Так что-что-что-что вы говорите стихийной?* [НКРЯ]

Пометы в виде спирали на рисунке отображают моменты времени, в которые достигается максимум частоты в пределах фонетических слов, составляющих предложение. Максимумы частоты в примере (1), которые достигаются в каждом фонетическом слове, складываются в восходящую ломаную (или прямую) линию, направленную к концу предложения вверх.

В связи с направленностью на план выражения вопроса типа *Что-что-что?* мы предлагаем называть его *переспросом de dicto*.

Задача работы — анализ структурных сегментных и содержательных компонентов переспросов *de dicto* и их просодии.

Достижение высокой частоты — это основной параметр переспроса *de dicto* [Кобозева 2020]. Между тем стратегии достижения высокой частоты при переспросе различны. Они зависят от объема сегментного материала переспроса. Стратегия *upstep*, как в примере (1), реализуется только при достаточном сегментном материале. Видимо, по причине лаконичности переспроса, эта стратегия в до-корпусную эпоху не попадала, насколько нам известно, в поле исследования просодистов. Между тем, ее обнаружение вносит вклад в типологический портрет русской просодии.

При менее объемном сегментном материале достижение высокой частоты может происходить за счет увеличения скорости набора высоты (или увеличения т.н. крутизны подъема) на словоформе

— акцентоносители переспроса или за счет высокого «начала» реализации переспроса, когда говорящий с самого начала берет «высокую ноту».

В докладе также анализируются композиции переспроса *de dicto* с эмфазой (значением ‘не может быть’) и с прагматикой возражения. Дается сопоставление с переспросами, задаваемыми при непонимании содержания речи предыдущего говорящего, или переспросами *de re*. Рассматривается просодия переспроса *de dicto* при расположении вопросительного слова в постпозиции после повторяемого компонента переспроса.

Материал для анализа почерпнут из мультимодального подкорпуса Национального Корпуса русского языка [НКРЯ] и открытых источников, которые составляют малый рабочий корпус автора. Верификация слуховых впечатлений автора произведена с помощью программы Praat [Boersma, Weenink 2024].

Литература

Кобозева И. М. Переспрос как периферия коммуникативно-грамматического поля вопросительности: семантика и средства выражения в русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. Москва: ЯСК, 2020. С. 223-245.

Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer. Version 6.4.04. Online: Praat: doing Phonetics by Computer (uva.nl), 2024. (accessed date: 15.01.2024).

Pierrehumbert J. B. The phonology and phonetics of English intonation (manuscript) Massachusetts Institute of Technology. 1980. Online: Pierrehumbert_PhD.pdf (ox.ac.uk).

Sudo Y. Metalinguistic semantics for echo questions (manuscript). Massachusetts Institute of Technology. 2011. Online: Metalinguistic Semantics for Echo Questions (studylib.net)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

«Слово и жест»

**Научная конференция,
посвященная памяти Е. А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)**

Материалы конференции

Подписано в печать 01.02.2024 г. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печ. л. 4. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Отпечатано в типографии Онлайн Принт
115487, Москва, ул. Нагатинская, 16Б